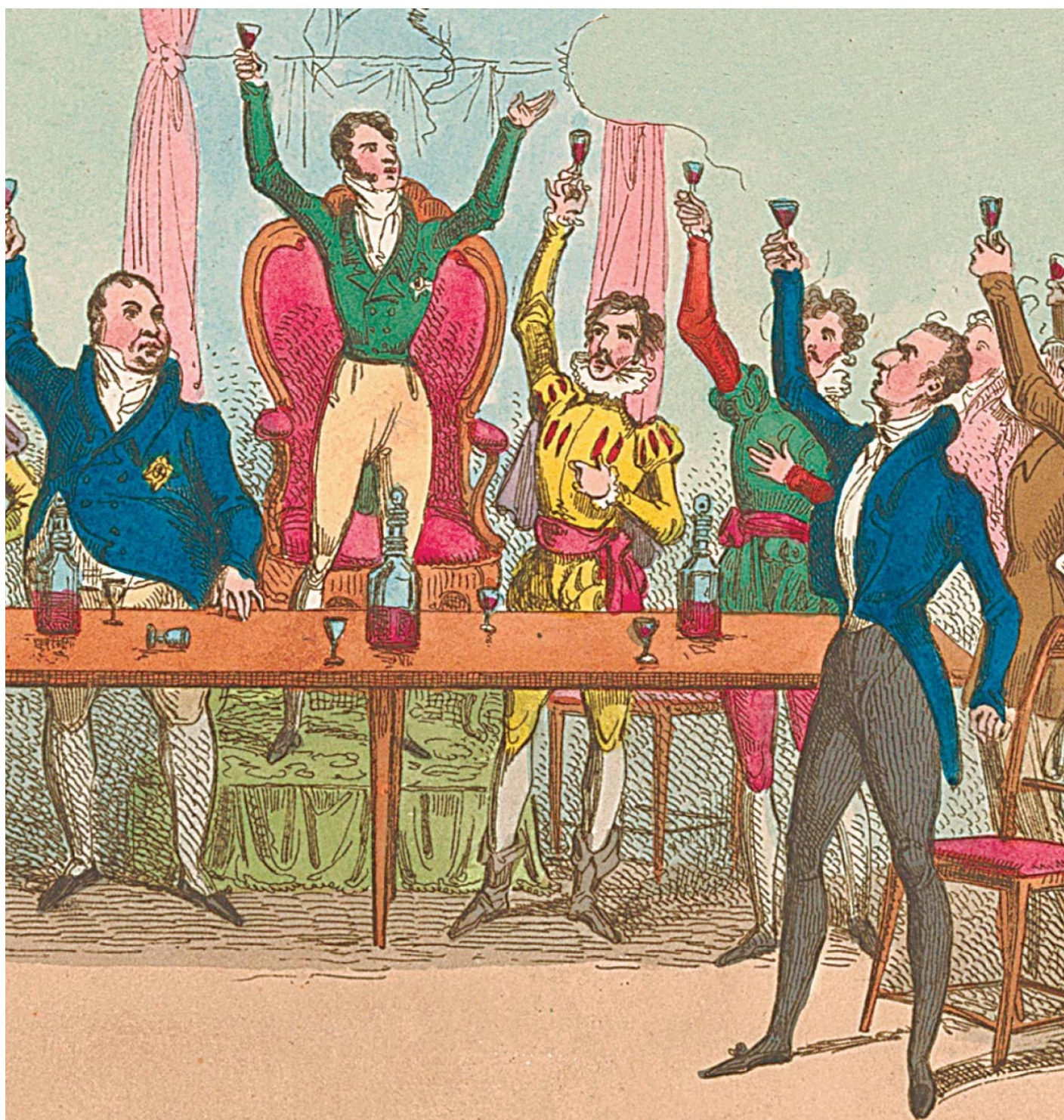


ВЕНСАН РОБЕР

ВРЕМЯ БАНКЕТОВ

ПОЛИТИКА И СИМВОЛИКА

ОДНОГО ПОКОЛЕНИЯ (1818 – 1848)



Венсан Робер
Время банкетов

«НЛО»

2016

Робер В.

Время банкетов / В. Робер — «НЛО», 2016

Увидев на обложке книги, переведенной с французского, слово «банкет», читатель может подумать, что это очередной рассказ о французской гастрономии. Но книга Венсана Робера обращена вовсе не к любителям вкусно поесть, а к людям, которые интересуются политической историей и ищут ответа на вопрос, когда и почему в обществе, казалось бы, вполне стабильном и упорядоченном происходят революции. Предмет книги – банкеты, которые устраивали в честь оппозиционных депутатов их сторонники. Автор не только подробно излагает историю таких трапез и описывает их устройство, но и показывает место банкета, или пира, в политической метафорике XIX века. Для этого он привлекает богатейший материал, от сочинений Александра Дюма и Эжена Сю до экономических теорий Мальтуса. Главное же, он показывает, как правительства, упрямо не желающие пойти навстречу даже самым умеренным требованиям народа, ведут себя к гибели. Не случайно последняя глава книги носит название «Запретить банкет – значит развязать революцию». Книгу перевела Вера Мильчина, ведущий научный сотрудник ИВГИ РГГУ и ШАГИ РАНХиГС.

© Робер В., 2016

© НЛО, 2016

Содержание

От переводчика	6
Благодарности	12
Введение	13
Банкет государя (1818–1831)	22
Глава 1	22
Глава 2	31
Обед в «Радуге» и его отзвуки в провинции	31
Депутат и его избиратели	35
Интерпретация молчания	41
Чествование депутата	42
Выбор даты	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Венсан Робер
Время банкетов
Политика и символика
одного поколения (1818–1848)

© 2016, Publications de la Sorbonne – Paris, France,

© В. Мильчина, перевод с французского, 2019,

© ООО «Новое литературное обозрение», 2019

* * *

От переводчика

Увидев на обложке книги, переведенной с французского, слово «банкет», читатель может подумать, что это очередной рассказ о французской гастрономии. Но книга современного французского историка Венсана Робера обращена вовсе не к любителям вкусно поесть, а к людям, которые интересуются политической историей и ищут ответа на вопрос, когда и почему в обществе, казалось бы, вполне стабильном и упорядоченном происходят революции. Можно было бы пошутить, что все-таки не случайно у французов, любителей вкусно поесть, становление гражданского общества происходило не где-нибудь, а именно за обеденным словом, однако Венсан Робер показывает гораздо более глубокие и серьезные корни этого явления.

Предмет книги – банкеты, которые устраивали в честь оппозиционных депутатов их сторонники. Почему именно банкеты? Издавна главным распределителем, главным подателем пищи считался государь. Это представление было запечатлено в специфической придворной церемонии, именуемой «большим столом»: начиная с Людовика XIV французские короли устраивали торжественную трапезу на глазах у зрителей-подданных. Либеральная буржуазия, организуя банкеты и порой допуская на них зрителей, ставила себя наравне с королевской властью, иначе говоря, банкеты становились формой утверждения суверенитета народа в противовес суверенитету короля. Традицию устройства политических банкетов Робер связывает также с религиозными представлениями (совместное вкушение пищи как своеобразная форма светского причастия) и с экономическими учениями (инициаторы банкетов яростно оспаривали формулу Мальтуса, согласно которой «на пиру природы места для всех не хватит», и отстаивали идею пира равных, пира для всех).

Эта политическая метафорика, или образный фонд эпохи, исследуется автором на самых разных примерах. Тема банкета, или пира, обнаруживается в самых разных областях жизни, литературы и философии: в сочинениях социалистического мыслителя Пьера Леру и в проповедях доминиканца Лакордера, в притче английского пастора Мальтуса и в романе Эжена Сю; в пьесе Александра Дюма и в диалоге Шарля Нодье. Реальный банкет, или пир, превращается в политическую метафору.

Робер неоднократно критикует «ограниченность традиционной позитивистской истории, для которой достаточно установить факты и подробно о них рассказать (притом что рассказ этот в любом случае останется неполным)». Сам он, правда, вовсе не чуждается сбора фактов, тем более существенного, что его предшественники, за очень редкими исключениями, исследовали более или менее подробно только кампанию банкетов 1847 года, а о предшествующих банкетах, ничуть не менее важных, не писали почти ничего. Однако фиксацией фактов Робер не ограничивается и тщательно расшифровывает непонятную в наши дни, но очевидную для людей XIX века символику банкетов. Ведь значимо было всё: выбор персон, в честь которых устраивается банкет (как правило, либеральных депутатов); сумма, которую собирали по подписке с каждого участника (чем меньше сумма, тем более демократичен банкет); порядок и содержание тостов (например, присутствует среди них тост за короля или нет) или, напротив, их подчеркнутое, почти скандальное отсутствие; выбор и оформление помещения для трапезы и даже меню (о котором, впрочем, источники сообщают особенно скупо). Все это благодаря интерпретациям Робера оказывается «говорящим».

Перечисленные подробности – лишь малая часть всего того увлекательного, что содержит исторический пласт книги. Но не менее важен и ее политический пласт.

О том, как после Белого террора и господства ультраконсерваторов в правительстве гражданское общество эпохи Реставрации делало первые робкие шаги с помощью банкетов, красноречиво свидетельствует описание первого политического банкета этого времени, состояв-

шегося в заведении под названием «Радуга» 5 мая 1818 года. Еще двумя годами раньше, по свидетельству либеральной газеты «Минерва», «встреча трех человек считалась скоплением народа, а встреча с глазу на глаз казалась подозрительной», а тут четыре сотни человек сошлись на обеде и «говорили друг с другом без боязни». Более же всего потряс собравшихся, по большей части не знакомых друг с другом, тот факт, что их так много – целых четыре сотни (при том что общее население Парижа составляло в это время чуть более 700 000 человек). В дальнейшем политические декларации организаторов того или иного банкета содержались именно в тостах, но на банкете в «Радуге» никто тостов не произносил: этим людям было достаточно молча взглянуть друг на друга и убедиться, что они не одиноки.

Робер показывает, как постепенно банкеты становились важной формой политической жизни и влияния на власти, причем влияния исключительно мирного. Организаторы последней кампании банкетов в 1847 году вовсе не были оголтелыми революционерами, недаром они в основном принадлежали к «династической оппозиции», или «династической левой», то есть поддерживали правящую Орлеанскую династию, но выступали за реформирование ее политики. Представители этой оппозиции боролись за политическую реформу, чтобы избежать социальной революции, они старались уберечь режим от гибели с помощью расширения его электоральной базы – но правительство оставалось глухо и само вело себя к гибели. Вело и привело, потому что покусилось на то, с чем французы 1848 года расстаться не желали, – свободу граждан «собраться мирно и без оружия».

В одном из очерков сборника «Сцены частной и общественной жизни животных» (1842) описан наступивший после того, как звери совершили революцию, «великий момент: дело дошло до тостов»:

К несчастью, не только порядок произнесения тостов, но даже их число были определены заранее. Это едва не вызвало недовольства. «Положим, поголодать даже полезно, но подавиться тостом – это верная смерть», – роптали ораторы. <...> Нечего и сомневаться в том, что первый тост был произнесен за свободу. Это дело обычное, и если бедная свобода до сих пор так слаба, то не пирующие тому виной. <...> К концу вечера публика так разгулялась, что сломала фонтан, и это позволило всем напиться не только вдоволь, но и допьяна. <...> Условились никому не подчиняться, говорить что взбредет в голову и вовсе ни о чем не думать. Никому уже не было дела ни до будущего звериной нации, ни до будущей политики <...>; все желали только петь и плясать¹.

Автор этого очерка, издатель Пьер-Жюль Этцель, писавший под псевдонимом П.-Ж. Сталь, явно не принимает обычай произнесения политических тостов всерьез и отзывается о нем с иронией, если не с пренебрежением. Но книга Робера показывает: так относились к политическим банкетам далеко не все. Находились и такие французы, для которых банкет становился важнейшим событием повседневной жизни, поскольку они были уверены: от банкетов зависит будущее Франции.

* * *

В книге Робера очень много имен политических и государственных деятелей, которые мало что говорят не только современному русскому, но, подозреваю, и современному французскому читателю, если он, конечно, не профессиональный историк. Но мне как переводчику

¹ Сцены частной и общественной жизни животных / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. В. А. Мильчиной. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 395–397.

очень хочется призвать тех, кто возьмет в руки эту книгу и начнет ее читать, не бояться этих подробностей, а следить за мыслью автора и за увлекательным историческим и политическим сюжетом. Уверяю, дело того стоит.

Для того чтобы облегчить читателю знакомство с русским переводом, следует сделать несколько пояснений.

Начну с короткой исторической справки. С 4 июня 1814 года, когда король Людовик XVIII, вернувшийся на престол после падения Наполеона, даровал французам Конституционную хартию, и до 24 февраля 1848 года, когда произошла Февральская революция, Франция была конституционной монархией. Законодательная власть принадлежала двухпалатному парламенту, в котором низшую палату (палату депутатов) выбирали, а членов верхней (палаты пэров) назначал король. Он же назначал представителей исполнительной власти, то есть кабинет министров. Конституционная монархия во Франции была цензовой: и право избирать, и тем более право быть избранными принадлежало лишь людям определенного достатка. В эпоху Реставрации (1814–1830), согласно Хартии, депутатом мог стать лишь человек, достигший сорокалетнего возраста и платящий в год не меньше тысячи франков прямых налогов (их было четыре: торгово-промышленный, поземельный, подомовой и налог на окна и двери). Право избирать депутатов имели только люди старше тридцати лет, платящие не меньше трехсот франков прямых налогов. До 1824 года депутатов выбирали на пять лет, причем за счет частичных выборов палата ежегодно обновлялась на одну пятую часть. С 1824 по 1830 год выборы проводились раз в семь лет без частичных выборов. После революции 1830 года французы вернулись к пятилетнему сроку без ежегодного обновления.

Число цензитарных избирателей было невелико (в 1815 году 72 000 из 30 миллионов, в 1817 году – 100 000), вдобавок не все из тех, кто мог избирать, спешили воспользоваться своим правом (в 1815 году таковых нашлось всего две трети от общего числа).

Понятно, что избиратели составляли разряд граждан, которые пользовались уважением и в которых власти желали видеть свою опору. Поэтому правительство ревниво следило за участием избирателей, не говоря уже о депутатах, в оппозиционных политических банкетах и последовательно выступало против расширения электоральной базы.

Отчасти такое расширение произошло после Июльской революции, когда король Карл X, представитель старшей ветви династии Бурбонов, был свергнут с престола и королем стал Луи-Филипп, герцог Орлеанский, представитель младшей ветви той же династии, призванный на престол палатой депутатов. Была принята новая редакция Хартии, согласно которой и возрастной, и имущественный ценз как для избирателей, так и для избираемых уменьшился: отныне депутат должен был достигнуть тридцатилетнего возраста и платить в год не меньше пятисот франков прямых налогов, а избирателям полагалось быть не моложе двадцати пяти лет и платить не меньше двухсот франков прямых налогов. В 1831 году из 32 с половиной миллионов французов право быть избирателями имели 166 000 человек (а воспользовались этим правом 125 000).

Та часть политической элиты, что при Реставрации была в оппозиции, а после 1830 года пришла к власти, считала, что дальнейшее расширение избирательного корпуса не только не нужно, но даже вредно, поскольку правоспособность напрямую связана с имущественным положением и лишь наличие зажиточных избирателей может гарантировать режиму стабильность и порядок. Напротив, другие политические деятели, в принципе поддерживавшие режим, считали, что только расширение избирательного корпуса может позволить правительству остаться у власти, а стране – развиваться эволюционным путем. За это и боролись те «реформисты», которые устраивали кампанию банкетов в 1840 и 1847 годах.

Если в эпоху Реставрации политическая жизнь определялась прежде всего противостоянием ультрароялистов, конституционалистов и независимых (или либералов), то при Июльской монархии политический спектр стал более разнообразным. Правящая партия с легкой

руки короля Луи-Филиппа, сказавшего в одной из речей вскоре после своего прихода к власти, что он стремится вести «политику золотой середины», далекую и от анархии, и от деспотизма, именовалась (зачастую иронически) партией золотой середины, или партией сопротивления (имелось в виду сопротивление попыткам дальнейшей либерализации режима)². Члены этой партии, самым видным представителем которой был Франсуа Гизо, до 1830 года отстаивали либеральные взгляды, но после революции перешли на консервативные позиции. Партией сопротивления противостояла партия движения, представленная левым центром и уже упоминавшейся династической оппозицией, наиболее видным деятелем которой был Одилон Барро. Еще левее были радикалы-республиканцы (такие, как многократно упоминающиеся в книге Ледрю-Роллен и Гарнье-Пажес), а на самом левом фланге, уже вне парламента, находились социалисты-фурьеристы и коммунисты-«икарийцы» (последователи Этьенна Кабе). Все эти люди по-разному представляли себе политическое будущее Франции: сторонники династической оппозиции желали лишь расширения электоральной базы, а радикалы мечтали о всеобщем избирательном праве. Возможно, все они никогда не объединились бы, если бы не непредусмотрительная политика июльских властей, которые через восемнадцать лет в других условиях повторили ошибку своего предшественника Карла X и вознамерились отнять у народа то, чем он дорожил более всего; в данном случае этой драгоценностью стало право собираться мирно и без оружия. Именно поэтому последняя, 12-я глава книги Робера носит выразительное название – «Запретить банкет – значит развязать революцию».

* * *

Несколько замечаний о переводе терминов. Наибольшая сложность связана с самим французским словом *banquet*, стоящим на обложке книги Робера и обозначающим ее главный предмет. В русской традиции применительно к кампании 1847 года, приведшей к Февральской революции 1848 года, установилось употребление слова «банкеты». Однако по-французски и «Пир» Платона – это тоже *banquet*. Поскольку у Робера речь идет в основном про трапезы политические, то я, в соответствии с упомянутой традицией, называю их банкетами и лишь в некоторых случаях, когда по-русски решительно невозможно вести речь о банкете (например, невозможен «банкет праведников»), употребляю слово «пир» или, для ясности, сохраняю оба синонима (пир, или банкет).

Пояснения заслуживают два французских термина, сложных для передачи на русском языке: *l'imaginaire* и *la sociabilité*. Первый чаще всего переводят как «воображаемое», но это субстантивированное причастие по-русски громоздко и невнятно, поэтому я в данной книге предпочитаю – исходя из смысла текста – говорить об «образном фонде» или «образной системе»³.

Второй термин в книгах по социологии передают как «социабельность», но я, продолжая линию, избранную двадцать лет назад при переводе книги Анны Мартен-Фюжье «Элегантная жизнь, или Как возник „весь Париж“. 1815–1848» (1998), на которую Робер, кстати, по другому поводу ссылается в своем тексте, предпочитаю употреблять старинное русское слово «общительность», означающее как раз совместное существование, жизнь в обществе.

Наконец, в книге упоминается огромное количество периодических изданий, причем названия их по большей части значимы, поэтому, чтобы избежать уродливых транслитераций

² Следует пояснить, что речь, разумеется, идет не о партиях в современном смысле слова, с членскими билетами и жесткой программой, но скорее о круге единомышленников.

³ Тем более что Венсан Робер в употреблении этого термина следует не психоаналитическим трудам Жака Лакана, а работам историков литературы и культуры (см., например: *Imaginaire et sensibilités au XIX^e siècle: études pour Alain Corbin / Anne-Emmanuelle Demartini et Dominique Califa dir.* Paris, 2005).

вроде «Курье де Байон э де ла пененсюль» или «Журналь де коннессанс ютиль», все названия я даю в переводе, а для любознательного читателя, знающего французский язык, ниже приведен список этих изданий с французскими оригиналами.

- «Альпийский патриот» – Le Patriote des Alpes
- «Апостолическая газета» – L' Apostolique
- «Белое знамя» – Le Drapeau blanc
- «Бретонский монитёр» – Le Moniteur breton
- «Британская библиотека» – Bibliothèque britannique
- «Британское обозрение» – Revue britannique
- «Будущее нации» – L' Avenir national
- «Булонский комментатор» – L' Annotateur boulonnais
- «Век» – Le Siècle
- «Вестник Байонны и полуострова» – Le Courrier de Bayonne et de la péninsule
- «Время» – Le Temps
- «Гаврская газета» – Le Journal du Havre
- «Газета народа» – Le Journal du peuple
- «Газета полезных знаний» – Journal des connaissances utiles
- «Газета прений» – Journal des Débats
- «Газета Соны и Луары» – Le Journal de Saône-et-Loire
- «Гастроном» – Le Gastronom
- «Друг короля» – L' Ami du Roi
- «Друг религии» – L' Ami de la religion
- «Друг Хартии» – L' Ami de la Charte
- «Европейский цензор» – Le Censeur européen
- «Ежедневная» – La Quotidienne
- «Западная национальная» – Le National de l'Ouest
- «Земной шар» – Le Globe
- «Иллюстрация» – L' Illustration
- «Интернациональный журнал тайных обществ» – Revue internationale des sociétés secrètes
- «Историческая библиотека» – La Bibliothèque historique
- «Коммерческая газета» – Le Journal du commerce
- «Консерватор Реставрации» – Le Conservateur de la Restauration
- «Конституционная» – Le Constitutionnel
- «Курьер Соны и Луары» – Le Courrier de Saône-et-Loire
- «Лионский курьер» – Le Courrier de Lyon
- «Мастерская» – L' Atelier
- «Мирная демократия» – La Démocratie pacifique
- «Мозельский курьер» – Le Courrier de la Moselle
- «Молва» – La Renommée
- «Монитёр» – Le Moniteur universel
- «Народ-учредитель» – Le Peuple constituant
- «Народная» – Le Populaire
- «Национальная» – Le National
- «Независимая» – L' Indépendant
- «Независимое обозрение» – Revue indépendante
- «Нормандские письма» – Lettres normandes
- «Обозрение двух миров» – Revue des Deux Mondes
- «Общественная польза» – Le Bien public
- «Освобождение» – L' Émancipation

«Парижская газета» – Journal de Paris
«Парижское обозрение» – Revue de Paris
«Патриот Соны и Луары» – Le Patriote de Saône-et-Loire
«Представитель народа» – Le Représentant du peuple
«Пресса» – La Presse
«Провозвестник» – Le Précurseur
«Прогресс Соны и Луары» – Le Progrès de Saône-et-Loire
«Пропагандист Па-де-Кале» – Le Propagateur du Pas-de-Calais
«Религиозный мир» – L' Univers religieux
«Реформа» – La Réforme
«Сборщица колосьев» – La Glaneuse
«Социальное обозрение» – Revue sociale
«Социальный прогресс» – Le Progrès social
«Суверенный народ» – Le Peuple souverain
«Трибуна департаментов» – La Tribune des départements
«Тулузский мемориал» – Le Mémorial de Toulouse
«Универсальная» – L' Universel
«Французская газета» – La Gazette de France
«Французская Минерва» – La Minerve française
«Французский курьер» – Le Courrier français
«Художник» – L' Artiste
«Часовой департамента Дё-Севр» – La sentinelle des Deux-Sèvres
«Шарантская газета» – Le Journal de la Charente
«Эльзасский патриот» – Le Patriote alsacien
«Эндрский разведчик» – L' Éclaireur de l'Indre
«Эпоха» – L' Époque
«Эхо Везона» – L' Écho de Vézone
«Эхо фабрики» – L' Écho de la fabrique

Вера Мильчина

Благодарности

Именно тогда, когда заканчиваешь книгу, лучше всего осознаешь, скольким людям ты обязан сказать спасибо.

Прежде всего это, конечно, сотрудники библиотек и архивов, которые стараются, порой в довольно трудных условиях, сделать все возможное, чтобы облегчить исследователю доступ к источникам.

Затем я хочу поблагодарить многих историков – коллег и друзей. Это друзья-медиевисты, которые не сочли странным, что специалист по истории Нового времени интересуется их предметом и методами исследования, – Лоран Феллер и Катрин Венсан. Это коллеги из Центра истории Французской революции (Университет Париж-1), с которыми я вел длинные и чрезвычайно полезные разговоры, прежде всего Франсуаза Брюнель, Жозиана Бурге-Рувер и Жан-Клеман Мартен, который был руководителем моей диссертации. Кроме того, это сотрудники Центра истории XIX века (Университеты Париж-1 и Париж-4), в первую очередь его руководители Ален Корбен и Доминик Калифа, а также Сильвен Венер, Эрик Ансо, Роземунда Сансон и Кристоф Шарль: все они меня поддерживали и подбадривали. Особого упоминания заслуживает моя коллега Майте Буисси, превосходно знающая этот период: ее советы принесли мне очень много пользы, а ее неистощимая способность фантазировать на исторические темы служила для меня постоянным источником вдохновения. Не стоит и говорить, что за все возможные неточности и несовершенства этой работы отвечаю только я сам.

Наконец, я безмерно благодарен моим родным, которым понадобилось огромное терпение, чтобы вынести мужа, отца и сына, жившего не только в настоящем времени и часто и надолго покидавшего их ради призраков времени ушедшего, каким бы увлекательным оно ни было. Им, моим родным, я посвящаю эту книгу.

Прети, январь 2009

Введение

Насколько мне известно, нет ни более знаменитого, ни более ядовитого свидетельства о том, что представлял собой политический банкет XIX века, чем письмо, которое в самом конце декабря 1847 года написал своей любовнице Луизе Коле двадцатилетний житель Руана по имени Гюстав Флобер, в ту пору еще никому не известный:

Я еще теперь под впечатлением этого зрелища, одновременно и гротескного, и жалкого. Я присутствовал на банкете реформистов! Какой вкус! Какая кухня! Какие вина! И какие речи! Ничто не могло бы внушить мне более глубокого презрения к успеху, чем эта картина, свидетельствующая о том, какой ценой его достигают. Я оставался холоден, и меня тошнило от патриотического энтузиазма, который вызывали «кормило государства», «бездна, в которую мы низвергаемся», «честь нашего знамени», «сень наших стягов», «братство народов» и прочие пошлости в том же роде. Прекраснейшие творения мастеров никогда не удостоятся и четверти этих рукоплесканий. Никогда Франк Альфреда де Мюссе не вызовет тех кликов восторга, которые доносились со всех концов зала в ответ на добродетельные завывания г-на Одилона Барро и сетования почтенного Кремье на состояние наших финансов. И после этого девятичасового заседания, проведенного за холодной индейкой и молочным поросенком и в обществе моего слесаря, в особо удачных местах хлопавшего меня по плечу, я воротился домой, промерзнув до мозга костей. Как низко ни цени людей, сердце наполняется горечью, когда перед тобой выставляют напоказ такой нелепый бред, такое беспардонное тупоумие⁴.

Руанский банкет, куда Флобер со своими друзьями Луи Буйе и Максимом Дюканом отправился из любопытства, этот банкет, который он осудил так строго, стал кульминацией кампании, начатой полугодом раньше борцами за избирательную и парламентскую реформу и против иммобилизма, отличавшего правительство Гизо. В это время почти никто не мог вообразить, что режим падет через два месяца и что погубят его уличные демонстрации, вызванные запрещением реформистского банкета в двенадцатом округе. «Мы не постигали, – писал Максим Дюкан четверть века спустя, – что правительство может быть встревожено этим замысловатым красноречием, и были убеждены, что люди, изъясняющиеся языком столь претенциозным, столь убогим, столь бедным, обречены сделаться посмешищем в глазах людей здравомыслящих. Мы рассуждали как дети; ведь именно это грубое сладкое вино пьянит слабые умы, иначе говоря, большинство населения»⁵. Объяснение, конечно, чересчур простое. А проблема остается: нам еще и сегодня трудно понять, каким образом эта кампания банкетов, осмеянная отнюдь не только Флобером и Максимом Дюканом⁶, могла послужить причиной такого большого политического потрясения и в конце концов революционным путем привести к введению всеобщего голосования (правда, только для мужской части населения) – этой основы демократического устройства современной Франции.

⁴ *Flaubert G. Œuvres complètes illustrées. Paris, 1922. P. 239* [перевод Е. Лысенко, с изменениями]. Этот текст процитирован, в частности, в кн.: *Duveau G. 1848. Paris, 1965. P. 15.* Франк – бунтарь, герой драматической поэмы Мюссе «Уста и чаша» (1831). – *Примеч. пер.*

⁵ *Du Camp M. Souvenirs de l'année 1848. Paris, 1876. P. 40–44.*

⁶ Прудон, например, высказывался столь же безжалостно. Он писал в дневнике 7 и 8 октября 1847 года: «Реформистские банкеты. Наши парламентские ораторы – точь-в-точь оперные артисты, которые с наступлением каникул разъезжаются по провинциальным городам и выступают перед налогоплательщиками, не имеющими возможности услышать их в Париже. Как считаешь всех этих великих писателей, великих авторов, великих говорунов, как питаешься их риторикой, чувствуешь, что ум твой совершенно пуст, утомлен, голоден» (*Haubtmann P. Pierre-Joseph Proudhon, sa vie et sa pensée. Paris, 1982. P. 809.*)

Между тем события, происшедшие за те два месяца, которые отделяют руанский банкет от провозглашения Республики в Париже 24 февраля 1848 года, хорошо известны, и уже давно. Незадолго до Первой мировой войны историк Альбер Кремье на основании источников, доступных в то время (впрочем, с тех пор их число существенно не увеличилось), восстановил эту цепь событий. Сначала – королевская речь на открытии парламентской сессии, бессмысленно провокационная, поскольку в ней реформистская активность названа разгулом «страстей враждебных или слепых». Затем дебаты в палате депутатов о том, как ответить на эту речь, и яркое выступление Токвиля⁷, который проницательно указывает на грозящие Франции опасности, однако никто к нему не прислушивается. Между тем в Париже в это время ведутся по инициативе национальных гвардейцев двенадцатого округа приготовления к последнему большому реформистскому банкету; власти твердо решают его запретить, а депутаты оппозиции, напротив, намереваются принять в нем участие; в последнюю минуту власти идут на попятную, но это происходит слишком поздно и не может помешать народу выйти на улицу, а национальная гвардия не спешит разгонять манифестантов; король, видя, как его предают те, кого он считал самыми верными слугами режима, в панике отправляет в отставку Гизо; на бульварах толпа выражает бурную радость; перед Министерством иностранных дел, на бульваре Капуцинок, происходит перестрелка, ночью по улицам возят трупы, а на следующий день дело кончается падением режима. Все это широко известно, многократно описано, и сейчас споры ведутся лишь о том, что послужило причиной того первого выстрела, после которого началась стрельба и произошел раскол между правящим режимом и парижской улицей, – случайность (что вполне вероятно) или провокация? По правде говоря, для нас это не имеет большого значения, поскольку мы, в отличие от современников тогдашних событий, стремимся понять, что произошло, а не отыскать ответственных за то, что консерваторы уже через два года именовали «февральской катастрофой».

Большинство историков пользовались для описания этой череды событий знаменитой формулой Эрнеста Лабрусса: «Революции происходят помимо воли революционеров. Событие свершается, но правительства в него не верят. А „средний революционер“ его не желает»⁸. Революция 1848 года произошла внезапно, и утверждать, что ее спровоцировали революционеры, было бы сильным преувеличением⁹. Поскольку падение Луи-Филиппа не было ни первой, ни единственной революцией, свершившейся в течение этой «весны народов», следует предположить, что здесь действовали иные, более глобальные причины. Этими причинами историки сочли исключительно глубокий экономический кризис, который поразил Западную Европу после неурожаев 1845 и 1846 годов; особенно страшен был голод в Ирландии, унесший миллион жизней. Французские историки, в особенности те, которые, следом за Эрнестом Лабруссом, черпали вдохновение в марксизме, в течение двух-трех десятков лет, последовав-

⁷ Алексис де Токвиль (1805–1859), прославившийся своей книгой «Демократия в Америке» (1835–1840), в 1848 году был членом палаты депутатов, где занимал оригинальную позицию, которую позднейший историк назвал «либерально-консервативной». – *Примеч. пер.*

⁸ *Labrousse E.* 1848, 1830, 1789. Comment naissent les révolutions // Actes du Congrès historique du Centenaire de la révolution de 1848. Paris, 1948. P. 1–22.

⁹ В недавней книге «Тайная республика» (*Gilmore J.* La République clandestine 1818–1848. Paris, 1998) исследовательница Джейн Гилмор отстаивает противоположную точку зрения: по ее мнению, Февральская революция была тщательно подготовлена республиканцами, которые воспользовались кампанией банкетов, чтобы обмануть левых сторонников династии. К несчастью, ни богатого воображения, ни даже дружбы с покойным Жаном-Батистом Дюрозелем недостаточно для того, чтобы стать историком, а книга Гилмор, свидетельствующая о вопиющем незнакомстве с трудами профессиональных историков, даже – и в первую очередь – английских, абсолютно пренебрегает всеми правилами критики источников и содержит невероятное множество более или менее серьезных неточностей и ошибок. Мы приведем несколько примеров таких ошибок, когда будем вести речь о кампании 1847 года, но уже сейчас можем сказать, что ни одно из утверждений этого автора нельзя принимать на веру. Книгу же ее следует воспринимать как роман-фельетон, и не более того. Что же касается деятельности республиканской партии в 1814–1870 годах, о ней лучше прочесть у Жоржа Вейля, великого, но забытого историка, из работ которого Гилмор, не ссылаясь, обильно черпает сведения – однако, на беду, не всегда точно.

ших за столетием революции 1848 года, старательно изучали экономические и социальные аспекты кризиса середины века то на общенациональном, то на региональном или локальном уровне – в департаментах Эр или Луар и Шер (Жан Видаленк, Жорж Дюпё), в Бургундии (Пьер Левек), в альпийском регионе (Филипп Вижье), в Провансе (Морис Агюлон) и в Лимузене (Ален Корбен). Список этот не исчерпывающий, а поле для разысканий по-прежнему очень богатое, о чем свидетельствует, например, недавняя работа Никола Бургинá о хлебных бунтах. Как бы там ни было, благодаря всем этим работам мы знаем французское общество этого периода XIX века несравненно лучше, чем общество любой другой эпохи (напомню, например, о таких важных периодах, как конец Империи и начало эпохи Реставрации или конец Второй империи), – в особенности потому, что мы можем оценить остроту социальной напряженности как в перенаселенных деревнях, так и в городах, плохо подготовленных к наплыву мигрантов, и получить представление о чрезвычайном региональном разнообразии тогдашней Франции. Мы понимаем, какой глубины кризис разразился после Революции, тем более что нам хорошо известно и состояние правящих слоев, нотаблей, ставших героями монументальной диссертации Андре-Жана Тюдеска, опубликованной четыре десятка лет назад¹⁰. Но хотя Пьер Розанваллон восстановил политическую философию Гизо во всем ее богатстве и всей ее сложности, нам не удается осмыслить собственно политический характер кризиса: каким образом понять переход от социального кризиса к кризису политическому, если исходить только из скандалов, о которых писали оппозиционные газеты летом 1847 года, или из рассуждений о шовинизме мелких буржуа, раздраженных англофильской политикой Гизо? Пресса сама по себе революций не совершает, а международная политика правительства может вызывать несогласие, но не может разжечь восстание: иначе говоря, никто до сих пор не объяснил, отчего буржуазия перешла в открытую оппозицию к режиму, не испугавшись даже возможных беспорядков и начала революции. Значит, нужно вернуться к политическим факторам или, вернее сказать, к взаимодействию факторов социальных и политических, а конкретнее – к многократно осмеянной кампании банкетов.

Выборы в палату депутатов в августе 1846 года принесли правительству несомненную победу. Хотя предвыборная кампания проходила очень бурно и при активном участии французов, оппозиция потеряла немало мест в палате; Гизо отныне мог рассчитывать на поддержку консервативного большинства, более многочисленного и более сплоченного, чем когда бы то ни было: 291 депутат из 459 был готов покорно голосовать за правительство, ведь префекты ради их избрания не скупилась на обещания и не чуждались прямого давления на избирателей. Среди избранных депутатов было немало чиновников, в частности тех должностных лиц, чья карьера напрямую зависела от властей: от них трудно было ожидать несогласия с правительственной линией. Понятно, что в этих условиях правительство не желало слушать никаких предложений о расширении корпуса избирателей и отвергло все соображения династической оппозиции относительно необходимости оздоровить нравственный климат в парламенте, то есть объявить некоторые чиновничьи посты несовместимыми с мандатом депутата. Министр внутренних дел Дюшатель провозгласил, что выборы доказали: страна не желает избирательной реформы, а Гизо напомнил, что в любом случае всеобщее избирательное право (которого, впрочем, династическая оппозиция и не требовала) введено не будет. Отказавшись признать, что результаты выборов нельзя полностью принимать на веру, поскольку на некоторых депутатов оказывали давление, а другим сулили доходные места, Гизо отверг возможность какой бы то ни было парламентской реформы, хотя самые молодые и проницательные представители большинства, поддерживающего правительство, такие как Морни, проявляли к ней интерес.

¹⁰ Нотаблями во Франции XIX века называли состоятельных и влиятельных людей, занимающих высокое положение в родном городе и провинции. – *Примеч. пер.*

Но несмотря на экономические трудности, положение Гизо было бы вполне прочным, если бы целая череда финансовых и прочих скандалов не вынудила его расстаться с некоторыми из министров. Тем самым он дал новые поводы для нападков оппозиционной прессе, которая еще безжалостнее атаковала правительство с тех пор, как ряды оппозиционных газет, и без того уже существенно превосходивших правительственные по тиражам, пополнила «Пресса» Эмиля де Жирардена, занимавшая третье место по числу подписчиков среди парижских ежедневных газет. Поэтому не подлежит сомнению, что депутаты оппозиции, выступавшие за реформу, будь то радикалы или политики династической ориентации, были уверены, что, невзирая на результаты последних выборов, именно они выражают реальное мнение страны. А поскольку парламентское большинство оставалось глухо и непреклонно, после окончания сессии у этих депутатов не было иного выхода, кроме как «заговорить с балкона», обратиться напрямую к нации в целом. Отчего обращение к стране приняло форму кампании банкетов? Вопрос этот редко ставится отчетливо, настолько очевидным подобное положение дел представляется для нас – историков, занимающихся первой половиной XIX века. Объяснение же, которое приходится давать на невысказанные вопросы читателей или на высказанные вслух вопросы студентов, всегда примерно одно и то же: в ту эпоху было невозможно собирать митинги (отметим распространенность английского термина, чаще всего предпочитаемого французскому «публичному собранию») для мобилизации общественного мнения, поскольку правительство этого бы не разрешило. В самом деле, при конституционной монархии свобода собраний не была узаконена, тем более что тогдашние юристы, насколько можно судить, не видели большого различия между ней и свободой ассоциаций, а эта последняя, как хорошо известно, была ограничена очень жесткими рамками, особенно после 1834 года: ассоциации свыше двадцати человек и их периодические собрания нуждались в предварительном разрешении правительства, а деятельность их проходила под неусыпным надзором властей¹¹. Таким образом, банкеты оставались единственным способом – безобидным, но юридически безупречным – обойти закон. Что плохого в том, что друзья или просто знакомые после совместного обеда произнесут один или несколько тостов за приглашенную выдающуюся особу или за осуществление заветных желаний всех собравшихся? Как помешать гостю ответить на лестные речи, восхвалявшие его в течение нескольких минут или даже нескольких десятков минут? Как помешать людям, произносящим тосты, сделать их более или менее развернутыми? Итак, банкет был поводом, и единственное, что представляет интерес для политической истории, это содержание тостов (а следовательно, требований, выраженных ораторами) и речей: если вернуться к руанскому банкету 1847 года, очевидно, что сварливая реакция Флобера не может удовлетворить историка-позитивиста, изучающего кампанию банкетов, но о гораздо более подробном рассказе Максима Дюкана мы этого сказать не можем. Спустя двадцать пять лет он дополняет собственные воспоминания сведениями, почерпнутыми из брошюры, опубликованной сразу после банкета, приводит имена ораторов, как тех, кто уже пользовался известностью (Одилон Барро, Дювержье де Оран, Кремьё, Друэн де Люис, Гюстав де Бомон), так и тех, кто прославился несколькими месяцами позже (генеральный прокурор Сенар, вскоре ставший министром внутренних дел в правительстве генерала Кавеньяка, а впоследствии защищавший Флобера на процессе «Госпожи Бовари»¹²), и даже тех, кто не прославился вовсе. Мы узнаем от него, что среди ораторов был некто Жюстен, советник Королевского суда, который произнес тост: «За бедные и трудолюбивые классы!», меж тем как

¹¹ Bastid P. Les institutions politiques de la monarchie parlementaire, 1814–1848. Paris, 1954. P. 390–393.

¹² Автора романа «Госпожа Бовари» Гюстава Флобера, генерального директора журнала «Ревю де Пари», где роман был напечатан, Леона Лорана-Пиша и типографа Пийе судили за оскорбление общественной и религиозной морали; процесс проходил с 29 января по 7 февраля 1857 года и закончился оправдательным приговором – отчасти благодаря красноречию защитника Сенара, а отчасти благодаря политической конъюнктуре (Наполеон III не хотел обострять обстановку перед выборами в законодательное собрание). – *Примеч. пер.*

другие превозносили «избирательную и парламентскую реформу», «финансовую реформу, экономию и разумное расходование общественных средств», «союз народов», а также независимую прессу и депутатов, выступающих за реформу. Что же касается информации о том, был или не был прежде всех прочих речей поднят тост за короля или за июльские установления (удобный способ отличить обыкновенные реформистские банкеты от других, открыто радикальных), ее историки считают простой данью исторической экзотике.

Итак, с современной точки зрения организация банкета была не более чем уловкой, которую люди 1847 года использовали в отсутствие закона, гарантировавшего им право публичных собраний. Эта свобода собраний была провозглашена в 1848 году, отменена после переворота 2 декабря и лишь частично возвращена в самом конце Второй империи – законом от 6 июня 1868 года. В конце концов Республика торжественно признала ее, приняв великий закон от 30 июня 1881 года: с этого времени все публичные собрания, даже проводимые на открытом воздухе, на ничем не ограниченной территории, признавались законными при условии, что о них будет предварительно объявлено и что они не будут проходить на проезжей части. Таким образом, в конце Второй империи, а затем при Третьей республике постоянным фоном для свободных парламентских дебатов служили общественные собрания, позволявшие простым гражданам время от времени брать слово, а чаще – выслушивать политических или профсоюзных деятелей, кандидатов в депутаты, народных избранников, а порой даже министров или главу правительства. С нашей точки зрения, в этом нет ничего особенного, хотя, к сожалению, французские историки, даже те, кто стремится обновить методы исследования политической истории, чаще всего не обращают внимания на эту живучую и основополагающую форму демократической политической жизни.

Итак, лишь только была провозглашена и гарантирована свобода собраний, свободу эту сочли чем-то само собой разумеющимся, и потому мало кто заметил, что политические банкеты не только продолжали существовать, но, более того, определенное число великих речей, чрезвычайно важных для политической жизни страны после 1870 года, было произнесено именно в ходе этих банкетов. Вспомним, например, речь Леона Гамбетты 26 сентября 1872 года в Гренобле, в которой он предсказывал приход в политику нового поколения и новых республиканских элит; вспомним речь генерала Буланже в Туре 17 мая 1889 года, которая стала плодом невероятного союза между его сторонником Альфредом Наке и монсеньором Фреппелем и, обнажив тайную сделку между «ревизионистами» и «клерикалами», привела к политическому краху буланжизма и бегству оратора в Бельгию несколькими днями позже¹³; вспомним, наконец, программную речь Аристида Бриана в Перигё 10 октября 1909 года, в которой после десятилетней беспощадной борьбы он выступил сторонником политики примирения. Банкетам, которые вольнодумцы-«колбасники» устраивали в «так называемую Страстную пятницу», или банкетам радикалов в самые первые годы Третьей республики посвящено в разных исследованиях от силы несколько строк или несколько страниц, иронических и насмешливых¹⁴. Только знаменитые банкеты для мэров, на которых дважды, под эгидой президентов Республики Сади Карно и Эмиля Лубе, собирались около двадцати тысяч муниципальных руководителей, были описаны и исследованы с должной подробностью. Жослина Жорж показала значение и влияние этих гигантских, поистине пантагрюэлических демонстраций верности Республике со стороны республиканских нотаблей; поводом для этих банкетов служили Всемирные выставки 1889 и 1900 годов, причина же оба раза коренилась в сложных политических обстоятельствах: в первом случае это был выход из буланжистского кризиса, а во

¹³ Dansette A. *Le boulangisme*. Paris, 1946. P. 264–266; Garrigues J. *Le général Boulanger*. Paris, 1991. P. 249–251.

¹⁴ *Ihl O. La fête républicaine*. Paris, 1996. P. 99–101; *Lalouette J. La libre-pensée en France, 1848–1940*. Paris, 1997. К этому нужно прибавить шестистраничную статью «Что такое банкеты», которую Жаклина Лалуэт написала для «Критического словаря Республики» (*Dictionnaire critique de la République / Dirigé par V. Duclert et C. Prochasson*. Paris, 2007. P. 988–993).

втором – дело Дрейфуса¹⁵. Впрочем, эти собрания, носившие в большой степени гастрономический характер, трудно воспринимать совершенно серьезно, тем более что уже современники высказывались о них весьма критически: язвительные комментарии раздавались как из буланжистского и националистического лагеря, так и со стороны крайне левых рабочих.

Подведем итоги. Не подлежит сомнению, что, если нужно было бы выбрать из форм политической активности, доступных простым гражданам Третьей республики, ту, которая навлекла на себя больше всего насмешек, добродушных или злобных, банкет легко опередил бы шествия, демонстрации, общественные собрания, митинги, местные выборы, они же местные дрязги, а также приезды министров или главы государства. Поэтому нам трудно взглянуть на кампанию банкетов 1847 года иначе, чем смотрели на нее Флобер и Максим Дюкан. Между тем мне представляется, что такой взгляд ошибочен и существенно искажает историческую перспективу, причем дело здесь не только в недостаточном внимании и даже снисходительном пренебрежении, с которым специалисты по политической истории Франции после 1789 года обычно смотрят на этнографический аспект политической жизни. Я убежден, что во Франции при конституционной монархии политические банкеты не были малозначащими эпизодами, простыми уловками и предложениями для красноречивых и напыщенных излияний. Во-первых, банкет, даже политический, существенно отличается от общественного собрания или митинга; во-вторых, у этой исчезнувшей формы политической жизни имеется собственная история, без знания которой, по всей вероятности, невозможно понять кризис, приведший к падению Июльской монархии, о чем Рене Ремон предупреждал еще четыре десятка лет назад¹⁶. Я надеюсь показать в своей книге, что банкет сыграл в культуре и политической истории первой половины XIX века важнейшую роль. Но для доказательства первого из этих положений я считаю полезным в самом начале сослаться на некоторые работы по истории и антропологии, а затем привести для затравки один малоизвестный эпизод, происшедший во время последней парламентской сессии царствования Луи-Филиппа.

С точки зрения специалистов по истории Франции после 1789 года, границы политической сферы очерчены достаточно ясно, и мало у кого возникает потребность уточнить их или задуматься о том, где именно они проходят. Для более древних эпох или для обществ, считаемых экзотическими, критерии не так отчетливы. Между тем совершенно очевидно, что в обществах, которые по-прежнему живут под страхом голода, войн и эпидемий, роль политической власти – и организация ее институтов – не сводятся ни к военной сфере, ни к распоряжению денежными средствами, ни к управлению людьми в ходе вооруженных столкновений с другими группами или обществами, ни к поддержанию добрых отношений с духовными лицами. Устройство всего человеческого сообщества было связано с производством и потреблением еды и напитков: достаточно напомнить опубликованные уже довольно давно работы британского антрополога Джека Гуди, посвященные африканским обществам доколониальной эпохи¹⁷. Историк Тамара Кондратьева, специалист по Советской России, со своей стороны показала основополагающую роль, которую играло в Московской Руси распределение (или, точнее, перераспределение) царем пищи и напитков¹⁸; придворные пиры давали государю возможность не только поражать подданных и иностранных гостей великолепием своего стола, как это происходило в Версале и при других европейских дворах той же эпохи, но и – в первую очередь – распределять между сотрапезниками еду и питье в строгом соответствии со званием одаряемого. Если какой-нибудь из родовитых подданных царя не мог присутствовать на пиру, длинная процессия придворных служителей отправлялась к нему по улицам Москвы

¹⁵ *George J. Histoire des maires, 1789–1939. Paris, 1989. P. 223–227.*

¹⁶ *Rémond R. La vie politique en France. T. 1. 1789–1848. Paris, 1965. P. 367–368.*

¹⁷ *Goody J. Cuisines, cuisine et classes. Paris, 1984.*

¹⁸ *Kondratieva T. Gouverner et nourrir. Du pouvoir en Russie (XVI^e–XX^e siècles). Paris, 2002 [рус. пер.: Кондратьева Т. Кормить и править. О власти в России XVI–XX вв. М., 2006].*

с причитающимися ему блюдами. Царь был прежде всего кормильцем; это проявлялось, в частности, в том, что до царствования Петра Великого и переноса столицы в Санкт-Петербург государственным служащим платили жалованье едой и питьем, если же в виде исключения оно выплачивалось звонкой монетой, выплаченные суммы назывались «денежным кормом». Однако Тамара Кондратьева показала также, что, переведя правительство в Москву вскоре после Октябрьского переворота, большевики восстановили эту традицию и что советское правительство тоже пожелало сделаться властью кормящей, распределяющей еду и напитки в строгом соответствии с местом того или иного чиновника в иерархии. Доступ в кремлевскую столовую (Кремлевку) означал, что допущенный достиг высших степеней в иерархии советской номенклатуры, что он никогда не будет испытывать недостатка ни в чем и что на его столе всегда будут деликатесы, о которых безуспешно мечтают десятки миллионов обычных советских граждан. Напротив, внезапное лишение всех этих благ было дурным знаком: оно сулило немилость, а в сталинскую эпоху и нечто куда более страшное.

Мне могут возразить, что сравнение не работает, поскольку эти политические традиции очень далеки от наших; что священная власть монарха для нас – очень далекое воспоминание; что наши западные общества не поддались влиянию советского коммунизма. Наши традиции совсем иные – рациональные, либеральные, демократические; они опираются на наследие Древней Греции и эпохи Просвещения. Надо ли, однако, напоминать, вслед за Полиной Шмитт-Пантель, что пир (банкет) граждан был в течение всей Античности и во всем греческом мире, начиная с самых архаических времен и вплоть до эпохи эллинизма и римского владычества, на Крите, в Спарте, в Афинах, в любом безвестном городе Пелопоннеса и Малой Азии основополагающим элементом жизни полиса, политической жизни? В противоположность тому, что можно вынести из беглого прочтения одноименного диалога Платона, греческий пир был ценен не только произносимыми там речами о любви или о каких-либо иных материях. Пожалуй, ничто так четко не обозначало политический статус индивидов, их включение в *полис* или исключение из него, как допущение или недопущение на публичные пиры, в ходе которых поедали среди прочего части жертвенных животных¹⁹. Надо ли, наконец, напоминать о других грандиозных пиршествах граждан, точно засвидетельствованных и гораздо более близких к нашему времени, – тех, какие устраивались во время Французской революции и в особенности летом 1794 года? Они до сегодняшнего дня довольно плохо известны, потому что очень мало изучены, но их символическая и даже политическая важность не подлежит сомнению. Во всяком случае, следует заметить, что ни Мишле, заканчивавший при Второй империи работу над своей «Историей Французской революции», ни Пьер Ларусс, сочинявший несколькими годами позже соответствующий том своего «Большого универсального словаря XIX века», о них не забыли: они, возможно, не обладали подходящими концептуальными инструментами для всесторонней оценки этого явления, но очевидно, что для них оно не сводилось к анекдотам²⁰. С современной точки зрения, не стану спорить, банкет представляет собой довольно странную форму политической деятельности; но когда речь идет о Франции начала XIX века, не избавившейся, как я уже сказал, от опасности неурожая и голода, у нас нет никаких оснований утверждать априори, что он был совершенно чужд политике.

Он был ей тем менее чужд, что у него имелась собственная история. Из последних парламентских дебатов Июльской монархии все обычно помнят только высокомерие Гизо, его решимость не делать никаких уступок находившейся в меньшинстве парламентской оппозиции, его уверенность в собственной правоте и в поддержке стареющего монарха. Помнят также

¹⁹ Schmitt-Pantel P. La cité au banquet. Histoire des repas publics dans les cités grecques. Rome, 1992.

²⁰ Michelet J. Histoire de la Révolution française, livre XX, chapitre IV; Larousse P. Banquet // Grand Dictionnaire universel du XIX^e siècle.

великолепную предостерегающую речь Алексиса де Токвиля²¹, которую автор «Демократии в Америке» произнес 29 января 1848 года и в которой он, с большой проницательностью указав на тревожное состояние общества, повторил знаменитую реплику Сальванди, брошенную в мае 1830 года: «Я полагаю, что мы нынче засыпаем на вулкане; я в этом глубоко убежден»²². Напротив, дебаты 8 и 9 февраля, посвященные решению правительства запретить банкеты, в особенности банкет в двенадцатом округе, почти полностью забыты. Конечно, их основные участники не могли сравняться в интеллектуальной мощи с Гизо и Токвилем. В ответ на яростные нападки Дювержье де Орана, одного из вождей реформистской оппозиции, граф Дюшатель, министр внутренних дел, отвечал, что правительство «исполнит свой долг» и не пойдет на поводу «у каких бы то ни было манифестантов». А министр юстиции Эбер поспешил прибавить, что правительство имеет полное право запретить банкет оппозиции; из его речи следовало, что у общества есть только те свободы, которые прописаны в Хартии, меж тем свобода собраний там не упомянута. Это заявление было встречено ропотом депутатов, а Одилон Барро выкрикнул со своего места: «Такого не говорили даже господа де Полиньяк и де Перонне!» Когда же выведенный из себя Эбер, к великому негодованию легитимистов, потребовал от Барро извинения за этот выкрик, который он счел оскорбительным, тот развил свою мысль:

Да! Вы, министры правительства, приведенного к власти вследствие народной июльской революции, вы, чья власть оплачена кровью мучеников, отдавших свою жизнь за свободу, вы оспариваете у народа то право, которое признавали и уважали министры эпохи Реставрации накануне своего падения! Вот о чем я говорю, и это факт, факт неопровержимый. Вы покусились на то, что уважал господин де Полиньяк!²³

Не стоит видеть во всем этом проходной эпизод парламентской сессии, хотя такой вывод и напрашивается, если судить по последующим покаянным речам депутатов-реформистов и самого Барро, который накануне банкета в двенадцатом округе повел себя не очень красиво и пошел на сделку с властями. Все присутствовавшие на заседании палаты прекрасно знали, кто подал эту реплику и на что в точности он намекал. Одилон Барро, политик чуть моложе Гизо, был одним из самых активных и решительных противников режима Реставрации, во всяком случае гораздо более активным, чем Дюшатель, не говоря уже об Эбере. Но он никогда не принадлежал к числу республиканцев. Напротив, он был одним из тех, кто в июле 1830 года употребил все свое влияние на Лафайета и уговорил его появиться рядом с Луи-Филиппом на балконе парижской Ратуши перед толпой и представить нового короля как воплощение наилучшей из Республик. До начала 1848 года Барро ни разу не пожалел об этом, хотя меньше чем через год после Июльской революции был, как и другие сторонники партии «движения», отстранен от участия в деятельности правительства. В палате депутатов он в течение семнадцати лет был величайшим оратором и вождем левого крыла династической партии, а во время кампании банкетов никогда не обходился, вопреки желаниям своих союзников-республиканцев, без традиционного тоста за правящего государя. Таким образом, никто не мог усомниться в его верности Орлеанской династии и июльским установлениям, хотя он и желал, чтобы они

²¹ «Нам говорят, что нет опасности, потому что никто не бунтует; нам говорят, что если нет материального беспорядка на поверхности общества, значит, революции нам не грозят. Господа, позвольте мне сказать, что, по моему мнению, вы ошибаетесь. Беспорядка нет в действиях, но он проник очень глубоко в умы» (*Tocqueville A. de. De la Démocratie en Amérique. Souvenirs. L' Ancien Régime et la Révolution / Introduction et notes de J.-C. Lamberti et F. Mélonio. Paris, 1986. P. 734*).

²² Историк и публицист Сальванди произнес ставшую знаменитой фразу: «Мы танцуем на вулкане» – по поводу бала в честь короля и королевы Обеих Сицилий, устроенного в Пале-Руаяле, резиденции герцога Орлеанского, 31 мая 1830 года. Разумеется, Сальванди не мог знать, что через два месяца во Франции произойдет революция и герцог Орлеанский станет королем, но тревожную предреволюционную обстановку он почувствовал и запечатлел в эффектной восклицании. – *Примеч. пер.*

²³ *Garnier-Pagès L.-A. Histoire de la révolution de 1848. Paris, 1861. T. 4. P. 173; National. 10.02.1848.*

медленно эволюционировали в сторону большего демократизма. Если он сравнил кабинет Гизо с последним министерством эпохи Реставрации, причем не в пользу первого, это позволяет судить о глубине кризиса, вызванного запрещением банкета в двенадцатом округе: ведь князь де Полиньяк был символом аристократа-реакционера, узколобого и ограниченного, мечтающего о возрождении Старого порядка. Имя графа де Перонне вызывало еще более мрачные ассоциации: последний министр внутренних дел Карла X, составитель четырех ордонансов в июле 1830 года, он еще задолго до этого, занимая пост министра юстиции в правительстве Виллеля, сначала ввел в юриспруденцию печально знаменитое «преступное направление умов», призванное заставить замолчать оппозиционную прессу (1822), а затем стал инициатором двух самых скандальных законов эпохи Реставрации. Закон о святотатстве грозил смертной казнью осквернителям дарохранилищ, второй же закон, который был призван полностью заткнуть рот прессе и которому Перонне дал совершенно нелепое название «закон справедливости и любви», не был принят весной 1827 года только благодаря сопротивлению палаты пэров, которую единодушно поддерживало общественное мнение. Понятно, почему Эбер считал слова Барро личным оскорблением. Ведь все присутствующие депутаты знали совершенно точно, на что именно намекнул оратор, из сопоставления с каким конкретным эпизодом выводит он столь серьезные обвинения, ибо все присутствующие помнили о событии весны 1830 года, в котором многие из них приняли участие, а то и были его организаторами. Все они помнили, что после голосования за адрес двухсот двадцати одного²⁴ ни Полиньяк, ни его министр внутренних дел²⁵ не сочли ни желательным, ни возможным запретить «знаменитый банкет в „Бургундском винограднике“». А вот мы об этом банкете забыли.

²⁴ Об адресе двухсот двадцати одного депутата см. подробнее ниже, с. 42.

²⁵ 1 апреля 1830 года этот пост занимал Монбель, но несколькими неделями позже его сменил не кто иной, как Перонне, отсюда неточность Барро.

Банкет государя (1818–1831)

Среди нас так же не было председателя, как не бывает законного короля на банкетах (пиршествах), которые устраивают в день Богоявления.

Каде де Гассикур. Процесс Общества так называемых Друзей свободы печати (1819)²⁶

Глава 1

Знаменитый банкет в «Бургундском винограднике»

Порядок не был нарушен на проезжей части в окрестностях ресторана «Бургундский виноградник», где вчера вечером состоялся объявленный в газетах большой банкет. Многочисленные патрули, отправленные в этот квартал, не заметили скопления народа вокруг дома. Из рапортов следует, что число любопытствующих, наблюдавших за происходящим снаружи, ни разу не превысило восьми десятков. Трапеза, судя по всему, закончилась в половине девятого вечера, а в десять ресторан уже опустел. Из заведения доносились звуки рукоплесканий, одобряющих то ли тосты, то ли куплеты, но разобрать слова было невозможно. Любопытствующие, кажется, остались равнодушны к цели этого собрания. Правда, при прибытии первых экипажей кое-кто закричал: «Да здравствуют депутаты, да здравствует Хартия!», но большинство любопытствующих хранили молчание. Сколько можно судить, они не были осведомлены о причине этого собрания; одни говорили, что сюда приехали депутаты, чтобы посоветоваться, другие – что здесь собрались на обед 200 депутатов и 500 избирателей. Можно предположить, что любопытствующих было немного из-за плохой погоды.

Одним словом, с точки зрения полицейского комиссара, в четверг 1 апреля 1830 года в ресторане «Бургундский виноградник» не произошло ничего исключительного и ничего тревожного: ни мятежных возгласов, ни нарушения порядка в публичном пространстве²⁷. Чтобы узнать больше, нам следует проникнуть внутрь, а для этого обратиться к описаниям банкета, которые в ближайшие дни напечатали на своих страницах либеральные газеты: «Конституционная», «Национальная», «Земной шар», «Французский курьер», «Парижская газета», «Время» – органы печати, представители которых, по всей вероятности, входили в число участников банкета. К счастью, их оказалось довольно много и описания их хотя и не противоречат одно другому, но и не во всем совпадают: итак, можно с довольно большой точностью восстановить, как проходил этот патриотический праздник, призванный, по словам либералов, «запомниться надолго». Следует познакомиться также с недоброжелательным отзывом, опубликованным ультрароялистской ежедневной газетой «Белое знамя», сотрудники которой, насколько можно судить, были очень хорошо информированы: ибо, если два крупнейших органа правых монархистов, «Ежедневная», считавшаяся очень близкой к правительству князя

²⁶ *Cadet de Gassicourt. Procès de la société dite les Amis de la liberté de la presse. Paris, 1819. P. XIII.* Имеется в виду обычай в день Богоявления (6 января) запекать в пирог боб и на один вечер назначать того, кому он попался, Бобовым королем. – *Примеч. пер.*

²⁷ AN F7 4174 (бюллетень парижской полиции, 1–2 апреля 1830 года).

де Полиньяка, и «Французская газета», не скрывавшая симпатий к его предшественнику Виллелю, ограничились комментарием к отчетам, опубликованным в либеральных газетах, «Белое знамя» наверняка пользовалось сведениями от очевидца, возможно, полицейского агента.

Ресторан «Бургундский виноградник», расположенный на улице Предместья Тампля, был выбран организаторами собрания потому, что ресторатор Шарлье, по-видимому, сочувствовал их идеям, а главное, потому, что на тот момент это было самое просторное из парижских заведений такого рода: натянув тент над соседним садом, чтобы уберечь гостей от солнечного зноя или, напротив, от дождя, вполне вероятного в это время года, можно было поместить на свежем воздухе столько же человек, сколько в главной зале, или, как тогда говорили, салоне, и принять одновременно семь сотен гостей: депутатов, избирателей, а быть может, и будущих избирателей. В противоположность тому, что утверждала в последующие дни роялистская пресса, «Бургундский виноградник» вовсе не принадлежал к числу «кабаков за заставой»²⁸: никто бы не решился пригласить представителей парижской политической элиты в заведение, посещаемое чернью. Впрочем, «Бургундский виноградник» в самом деле не славился отменной кухней, а цены здесь были очень умеренными (не то что в «Трех провансальских братьях», у Вери и у Вефура – этой гастрономической троице Пале-Руаяля) – иначе и не могло быть в заведении, располагавшемся в двух шагах от «бульвара преступлений», где действовало большинство столичных театров, рассчитанных на простолюдинов и мелких буржуа²⁹. Иными словами, в этом ресторане редко бывали представители высшего общества, привыкшие посещать большие кафе на самом модном, Гентском бульваре, зато почтенные буржуа охотно устраивали здесь свадебные или, как тогда говорили, «корпоративные» обеды³⁰. Например, несколькими неделями раньше здесь состоялся ежегодный банкет выпускников Политехнической школы.

Первые гости прибыли к пяти часам, многие, должно быть, в омнибусе, кое-кто в экипажах, как и депутаты немного позже. Кто были эти гости? Если верить либеральным журналистам, «лучшие представители парижского населения»; если же верить газетам, верным правительству, «лучшие представители» в это время собрались во Французском институте, на другом конце Парижа, чтобы послушать господ Кювье и Ламартина... так что из тех семи сотен, которые явились на этот «либеральный пикник», от силы сотня значилась в списках избирателей, «остальную же массу составляли приказчики, подмастерья и несколько политических писак». В данный момент мы не будем анализировать состав собравшихся, но уже сейчас заметим, что на банкет в «Бургундском винограднике» получили доступ лишь те граждане, которые предварительно внесли по подписке огромную сумму в 20 франков: между тем большая часть парижан не зарабатывала столько и за неделю, а на обед тратила меньше 1 франка в день; иными словами, так называемым «лавочникам», как справедливо говорилось в другой ультрароялистской газете, пришлось бы пойти ради этого банкета на серьезные жертвы. Все сказанное позволяет предположить, что подписчики были люди зажиточные, принадлежавшие к состоятельной парижской буржуазии, пусть даже некоторые из них еще не достигли тридцатилетнего возраста и потому, согласно тогдашнему законодательству, не имели права голосовать. «Гости могли дожидаться начала трапезы в нарочно для того приготовленных залах, но большинство из них предпочли выстроиться по бокам широкой лестницы и в вестибюле, чтобы

²⁸ За заставами, то есть за пределами крепостной стены, окружавшей Париж в первой половине XIX века, располагались заведения, где еда и питье были дешевле, чем в городе, поскольку их хозяева не платили ввозную пошлину; из-за дешевизны эти кабаки охотно посещало простонародье. – *Примеч. пер.*

²⁹ «Бульваром преступлений» называли бульвар Тампля, поскольку похищения, ограбления, убийства и прочие злодеяния были основными темами мелодрам, которые шли на сценах располагавшихся там театров. – *Примеч. пер.*

³⁰ Чтобы понять, какое место занимал ресторан «Бургундский виноградник» на гастрономической карте Парижа той эпохи, следует, разумеется, обратиться к книге Ж.-П. Арона (*Aron J.-P. Le mangeur du XIX^e siècle. Paris, 1973. P. 67*).

приветствовать господ депутатов. О прибытии каждого из них возвещали во весь голос, а его проход сопровождался криками „виват!“³¹.

За стол уселись около шести вечера, как было принято в Париже в то время; шестьдесят комиссаров банкета, с синей ленточкой в петлице, проводили каждого гостя к его месту, где его ждала брошюра с регламентом. Деревья в саду, украшенные цветами и зеленью, исполняли роль колонн, а зала была тщательно декорирована гирляндами и гражданскими коронами числом двести двадцать одна. «Над креслом председателя помещался девиз „Слава нашим депутатам“; под девизом располагался текст Хартии. Большой оркестр приветствовал появление каждого депутата фанфарой». За десертом председатель, г-н Руссо, бывший мэр третьего округа столицы, произнес единственный тост: «За единение трех властей: конституционного короля, палаты пэров и палаты депутатов!» Зал отвечал рукоплесканиями и возгласом: «Да здравствует Хартия! Да здравствует конституционный король!» Затем молодой либеральный адвокат Одилон Барро поднялся и обратился к депутатам департамента Сена, а равно и к их собратьям, присутствующим в зале, от имени парижских избирателей и всего населения Парижа. Перечислив все завоевания либерального большинства после победы на выборах осенью 1827 года, он поблагодарил депутатов за твердость, проявленную ими во время кризиса, начавшегося летом 1829 года, когда Карл X сразу после окончания парламентской сессии уволил председателя правительства Мартиньяка и назначил на его место своего друга князя Жюля де Полиньяка, а тот возглавил новое «плачевное министерство», куда включил ультрароялиста Лабурдонне, в 1815 году в «бесподобной палате» ратовавшего за «кандалы, палачей, казни»³², и бывшего шуана Бурмона, изменившего Наполеону накануне Ватерлоо. Кризис этот перешел в острую фазу в ходе голосования за адрес королю: в ответ на тронную речь, традиционно открывавшую парламентскую сессию, группа депутатов в составе двухсот двадцати одного человека (все они присутствовали в «Бургундском винограднике») со всем почтением известила государя, что они не могут сотрудничать с таким министерством, политическая религия которого, сказал Одилон Барро, «заключается в том, что мы живем, дышим, обладаем человеческим достоинством только потому, что нам сделали уступку, и которое прежде всего заявило: *никаких уступок!*» Барро также похвалил за мужество независимую прессу, а затем заверил депутатов в том, что в случае, если палата будет распущена и король назначит новые выборы, поддержка избирателей им обеспечена. Оратора несколько раз прерывали одобрительные крики, но настоящий гром аплодисментов последовал за его финальным восклицанием: «Слава избирателям, слава мужеству граждан, слава законным ассоциациям!», а его самую последнюю фразу: «Да хранит Господь Францию!» – хором повторила вся зала.

После этого от имени своих братьев из департамента Сена генерал Матье Дюма поблагодарил собравшихся и оратора и призвал их, ни в коем случае не выходя за рамки законного порядка, означенного в Хартии, сохранять верность своим убеждениям и сознавать, насколько важна преследуемая ими цель для Франции и всей Европы. Его тоже наградили бурными рукоплесканиями, а затем ему, так же как и Одилону Барро, пришлось выйти в сад и там повторить свою речь, которую часть собравшихся расслышала плохо. Наконец, «вскоре после восьми г-н председатель объявил банкет оконченным, и гости разошлись, почтительно давая дорогу уходящим депутатам и провожая их приветственными возгласами. Господам Лафайету, Дюпону из Эра, Казимиру Перье, Жаку Лаффиту, де Шонену, Сальверту, генералу Ламарку и проч., и проч. избиратели и граждане засвидетельствовали живейшее сочувствие...»³³. Одним словом, этот «истинно патриотический праздник», несмотря на дождь, который не пощадил

³¹ Le Journal du commerce. 2.04.1830.

³² «Бесподобной» палата депутатов, избранная в августе 1815 года, сразу после окончания Ста дней, называлась из-за своего исключительно консервативного ультрароялистского характера. – *Примеч. пер.*

³³ Le Globe. 3.04.1830.

гостей, находившихся в саду («Белое знамя» утверждает даже, что «гости, спасаясь от дождя, прикрывали головы салфетками и тем придавали себе вид весьма комичный»), прошел совершенно гладко, и либеральные газеты даже хвалили полицию и жандармерию за негласную поддержку.

Как же следует в конечном счете относиться к этому недолгому – длившемуся меньше трех часов – собранию нотаблей, которое протекало так мирно и во время которого не было произнесено никаких подстрекательских речей? Можно ли не разделить оценку писателя Жана-Луи Бори, высказавшегося об этом эпизоде три десятка лет назад? Бори, писавший свою книгу вскоре после мая 1968 года, считал, что Одилон Барро «упивался морализаторской риторикой» и что во всем мероприятии «не было ничего угрожающего. Эпитет *законный* повторялся слишком часто, чтобы власти могли испугаться всерьез»³⁴. Хотя мы и знаем, что кризис, начавшийся с адреса двухсот двадцати одного депутата, привел четыре месяца спустя к неуклюжей попытке государственного переворота, а затем к восстанию парижского населения, баррикадной борьбе и установлению нового режима – Июльской монархии, при первом чтении нам трудно объяснить, отчего этот банкет, осмеянный роялистскими газетами и кажущийся нам довольно безобидным, в течение всего XIX века упоминался исключительно с прибавлением эпитетов «знаменитый» или «прославленный». Зато мы прекрасно понимаем, отчего этот эпизод обойден молчанием во всех историях эпохи Реставрации и революции 1830 года, появившихся за последние полвека, за исключением двух коротких упоминаний³⁵. О банкете в «Бургундском винограднике» не говорится ни слова в недавнем превосходном исследовании Эмманюэля де Варескьеля и Бенуа Ивера³⁶; не упомянут он и в труде более старом, но до сих пор считающемся авторитетным, – «Реставрации» Гийома Бертье де Совиньи. То же самое относится и к тому, который посвятил революции 1830 года американский историк Дэвид Пинкни...

Ничего удивительного во всем этом нет: прежде всего нужно напомнить, что политическая история того периода, который располагается между великой эпохой Революции и Империи и введением всеобщего избирательного права для мужчин после революции 1848 года, долгое время мало интересовала историков. События были давным-давно описаны, институты изучены, политика кабинетов и парламентская борьба исследованы, биографии главных действующих лиц опубликованы. Вдобавок, нужно сказать откровенно, консервативные цензурные режимы Франции не казались особенно увлекательными большинству историков, которые видели в них лишь интермедию – олигархическую, если говорить о правительстве, или архаическую, если говорить о народном протесте – между эпохами с гораздо большим демократическим или революционным потенциалом. Если Июльский режим все-таки вызывал какой-то интерес, поскольку именно тогда начали возникать социальные проблемы, порожденные индустриальной революцией, и именно тогда родились первые социалистические доктрины (утопические, как их именовали снисходительно и свысока), то эпоха Реставрации не интересовала вообще никого. Что же касается Июльской революции, значение которой для многих французских историков сводилось к тому, что она «привела к власти крупную буржуазию», с ней связан любопытный историографический казус: это единственная революция во Франции XIX века, лучшие исследования которой все без исключения написаны по-английски...

Таким образом, редким французским историкам, занимавшимся этим периодом, приходилось с трудом отыскивать аргументы, оправдывающие их интерес к эпохе Реставрации –

³⁴ Bory J.-L. La révolution de Juillet. Paris, 1972. P. 229. Чуть ниже он добавляет: «Только Виллель мог воззвать к королю с такой страстью, как будто начался пожар: „Монархия напоминает мне крепость, под которую подведены мины и контрмины“».

³⁵ Кроме Ж.-Л. Бори, который отвел ему одну страницу, десять строк посвящены этому эпизоду в книге И. Бакуш (Backouche I. La monarchie parlementaire, 1815–1848. Paris, 2000. P. 151).

³⁶ Waresquiel E., Yvert B. Histoire de la Restauration, 1814–1830. Naissance de la France moderne. Paris, 1996.

эпохе безнадежно устаревшей, плохо известной публике, за исключением нескольких обветшавших лубочных картинок патриотической и республиканской направленности: казнь маршала Нея и четырех сержантов из Ла-Рошели, исключение Манюэля из палаты депутатов, похороны генерала Фуа³⁷ и, выражаясь словами Беранже, «коронование Карла Простака»; наконец, июльские баррикады, положившие конец трухлявому режиму. Немногие исследователи эпохи Реставрации утверждали, вслед Гийому Бертье де Совиньи, что их цель – лучше изучить и лучше понять реставрированную монархию и напомнить, что в конечном счете после десятилетия имперского деспотизма она сыграла большую роль в обучении французов парламентаризму. От этого до перехода к апологии режима Реставрации оставался всего один шаг, и многие историки этот шаг делали; они стремились показать, что конфликт между законной монархией и новым обществом, порожденным революцией, не был неизбежен. Предположение вполне разумное, но исключающее интерес к противникам этого умеренно реакционного режима. Напомню, что единственный обобщающий труд, посвященный либеральной партии в эпоху Реставрации, – работа Поля Тюро-Данжена, выпущенная в 1876 году, а французский читатель, желающий составить четкое представление о карбонариях, до сих пор дожидается перевода книги Алана Шпитцера, вышедшей более тридцати лет назад³⁸. Наконец, как бы снисходительно ни относились историки эпохи Реставрации к графу д'Артуа, ставшему королем Карлом X, но и они, дойдя до лета 1829 года и назначения Полиньяка главой кабинета, опускают руки перед подобным политическим тупоумием, коротко упоминают об адресе двухсот двадцати одного депутата, объясняют его цель и смысл, а затем забывают о внутренней политике и переходят к политике внешней, а именно приготовлениям к военной экспедиции в Алжир, успех которой (следует подчеркнуть, совершенно неожиданный) в конечном счете оказался наиболее значительным вкладом эпохи Реставрации в историю Франции. Законная монархия «покончила с собой» самостоятельно, без помощи своих политических противников. Ввиду всех этих обстоятельств неудивительно, что банкет в «Бургундском винограднике» оказался полностью забыт.

Между тем современники не считали этот эпизод незначительным; так думал не один Одилон Барро, который, если учесть сыгранную им роль, был лично заинтересован в том, чтобы о банкете помнили. Нужно подчеркнуть, что весной 1830 года о банкете писала вся пресса, причем не только парижская; между тем это совсем не разумелось само собой, поскольку тогдашние ежедневные газеты вовсе не гонялись, в отличие от нынешних, за самыми свежими новостями. В ту эпоху новости распространялись медленно; типографский набор, а во многих случаях и печать осуществлялись вручную и, следовательно, тоже очень медленно, и потому газеты отводили свои полосы в основном доктринальным рассуждениям и политической полемике. Они сообщали о постановлениях министров и комментировали их; воспроизводили речи, произнесенные в обеих палатах, потому что этого требовали институциональные и культурные рамки политической жизни; однако подробным описанием событий, свершившихся вне этих рамок, таких как банкеты, журналисты занимались довольно редко и обычно ограничивались несколькими строками, самое большее – несколькими десятками строк. Впоследствии к ним не возвращались вовсе, разве что намекали на них в рассуждениях на более общие темы. С учетом всего этого не следует недооценивать то место, какое отвели банкету в «Бургундском винограднике» апрельские газеты 1830 года. «Конституционная», без-

³⁷ Перечислены яркие эпизоды политической жизни эпохи Реставрации: Мишель Ней, маршал Империи, был казнен 7 декабря 1815 года за то, что во время Ста дней предал короля и перешел на сторону Наполеона; четыре сержанта из Ла-Рошели были казнены 21 сентября 1822 года за причастность к карбонариям и намерение свергнуть королевскую власть; либеральный депутат Манюэль был в феврале 1823 года исключен из палаты депутатов за речь против военной операции в Испании, имевшей целью поддержку испанской монархии; многолюдные похороны другого либерального депутата, блестящего оратора генерала Фуа, 30 ноября 1825 года превратились в оппозиционную политическую манифестацию. – *Примеч. пер.*

³⁸ *Spitzer A. B. Old Hatred and Young Hopes. The French Carbonari against the Bourbon Restoration. Cambridge, MA; London, 1971.*

условно самая крупная французская газета того времени (более двадцати тысяч экземпляров ежедневно), первой рассказала о банкете в номере от 2 апреля 1830 года, причем отвела этому рассказу целую полосу, а затем коротко возвращалась к нему и в следующих номерах. Ее примеру последовали все другие столичные либеральные газеты, а равно и газеты провинциальные. Роялистские ежедневные газеты: «Белое знамя», «Французская газета» и «Ежедневная», – поначалу делавшие вид, что не принимают случившееся всерьез (подумать только! Банкет первого апреля, как смешно!), нехотя также заговорили о происшедшем. А «Консерватор Реставрации», менее известный ультрароялистский орган, который выходил с меньшей периодичностью и потому мог себе позволить сформулировать некоторые общие соображения, посвятил банкету довольно пространное рассуждение.

Можно, конечно, предположить, что современники проявили близорукость и раздули из мухи слона. В самом деле, среди событий весны 1830 года, о которых писали газеты и которые волновали тогдашнее общественное мнение, немало таких, которые нам представляются совершенно незначительными: например, два месяца спустя в Анжé префект вывел на улицу войска, чтобы воспрепятствовать подготовленной либералами торжественной встрече двух из двухсот двадцати одного депутата, и дело едва не окончилось кровавым бунтом. Но этот случай был немедленно забыт, и ныне о нем знают только историки города Анже. С банкетом в «Бургундском винограднике» все обстоит совсем иначе: насколько мне известно, он упомянут во всех историях эпохи Реставрации и Июльской монархии, опубликованных в XIX веке, когда бы они ни были написаны: по свежим следам или же через двадцать, тридцать, пятьдесят лет, и каковы бы ни были политические симпатии их авторов. Это тем более любопытно, что мемуары современников касаются рассматриваемого эпизода лишь вскользь: разумеется, сказанное не относится к Одилону Барро, который во всех красках расписывает свое участие в банкете, тем более что в тот день он произнес свою первую большую политическую речь. Но Гизо, например, об этом банкете вовсе не упоминает, Рамбюто тоже не говорит о нем ни слова, герцог де Брой ограничивается несколькими строками, Ремюза высказывается очень лаконично и уточняет, что с тех пор не принимал участия ни в одном политическом банкете, Дюпен-старший сообщает, что 1 апреля уже выехал из Парижа, а если бы не уехал, на банкет бы все равно ни за что не пошел³⁹.

Июльская революция 1830 года стала для всех ее участников и современников потрясением такой силы, что многие из них испытали потребность кто просто запечатлеть свое свидетельство, кто восстановить последовательность событий – славных или прискорбных, смотря с какой точки зрения на них смотреть – и их проанализировать. Лучшие из этих историй, написанных по свежим следам, – выпущенная в 1832 году «Хроника 1830 года» Луи Розе, который, судя по всему, вращался в либеральных кругах еще до Июльской революции, а в 1832 году продолжал сочувствовать партии «движения», и вышедшая в 1833 году «История Реставрации и причин, приведших к падению старшей ветви Бурбонов» Жана-Батиста Капефига, сочинение убежденного легитимиста, впрочем весьма сурово отзывающегося об упорстве Карла X и слепоте Полиньяка. Так вот, несмотря на разницу в политических симпатиях, оба считают банкет в «Бургундском винограднике» существенным этапом мобилизации общественного мнения накануне избирательной кампании весной 1830 года. В банкете, так же как в состоявшемся чуть раньше, сразу после создания кабинета Полиньяка, триумфальном путешествии Лафайета в Овернь, Дофине и Лион, оба видят предзнаменование огромной важности – доказательство того факта, что политика короля не находила никакой поддержки в обществе, за какие бы доводы ни цеплялись члены кабинета, стремясь доказать обратное.

³⁹ Broglie V. de. Souvenirs, 1785–1870. Paris, 1886. P. 246; Rémusat Ch. de. Mémoires de ma vie. Paris, 1959. T. 2. P. 292; Dupin A. Mémoires. Paris, 1856. T. 2. P. 128.

До выхода больших историй эпохи Реставрации было еще далеко. Только через полтора – три десятка лет вышли такие основополагающие труды, как «История двух Реставраций вплоть до воцарения Луи-Филиппа» Ашиля Тенайя де Волабеля, затем «История парламентского правления во Франции» Проспера Дювержье де Орана. Первый из них, родившийся в 1799 году, в 1830 году принадлежал к тем молодым прогрессивным либералам, которые входили в общество «Помоги себе сам, и Небеса тебе помогут», а затем сделались республиканцами. Он печатался в газете «Национальная», но, судя по всему, сторонился активной политической деятельности и посвятил все свои силы своему главному произведению – истории Реставрации, первый том которой появился в 1844 году, а последние – в конце Второй республики. В промежутке, осенью 1848 года, он в течение нескольких месяцев занимал пост министра народного просвещения в кабинете генерала Кавеньяка. Второй из этих историков, чье имя уже прозвучало в связи с руанским банкетом (он единственный заслужил снисхождение Максима Дюкана), родился в Руане в 1798 году; до июля 1830 года он печатался в газете «Земной шар» и опубликовал там целый ряд очень интересных статей о британской политической жизни. При Июльской монархии он стал депутатом и долгое время был ближе к Гизо, чем к Одилону Барро, возглавлявшему династическую оппозицию. Сделавшись затем сторонником избирательной и парламентской реформы, он не присоединился к республиканцам, но оставался убежденным, несгибаемым либералом. Его история Реставрации была написана и опубликована при Второй империи, после того как он поневоле прекратил всякую политическую деятельность; по названию его труда видно, что вначале он хотел довести свой рассказ до 1848 года и что, живя в государстве, которое так же мало уважало общественные свободы, как и прерогативы парламента, он с ностальгией вспоминал парламентское правление и дух июльских установлений. Оба умные, оба прекрасно информированные, Волабель и Дювержье де Оран имели возможность перечесть газеты и брошюры описываемой эпохи, собрать многочисленные свидетельства (тот и другой, разумеется, имели немало знакомых среди политиков и журналистов) и не только подробно рассказать о событиях своей юности, но и осмыслить их. В их трудах, которые легли в основу либеральной историографии эпохи Реставрации, несколько страниц посвящены банкету в «Бургундском винограднике»⁴⁰. Но еще примечательнее вот что: истории легитимистской направленности, а именно «История Реставрации» Альфреда Неттмана, появившаяся при Второй империи, и монументальный труд Луи де Вьель-Кастеля, заверченный в самом начале Третьей республики, также не обходят молчанием этот банкет... Конечно, их описания достаточно стереотипны и чаще всего воспроизводят отчеты, опубликованные в газетах 1830 года; верно и другое: масштабы сочинения графа де Вьель-Кастеля (двадцать томов, более одиннадцати тысяч страниц...) позволяли ему вести подробный рассказ о событиях, ничего не опуская (он один не обошел своим вниманием даже то происшествие в Анже, о котором я упомянул чуть выше). Но для нас существенно то, что все эти авторы, принадлежавшие к одному и тому же поколению⁴¹, были уверены: речь идет о событии по-настоящему важном, достойном чего-то большего, чем мимолетное упоминание.

Из всех современников не уделил достаточного внимания банкету в «Бургундском винограднике» только Луи Блан в своей «Истории десяти лет»⁴², первое издание которой появилось в 1841 году. Но из этих историков он единственный обосновался в Париже и начал свое приобщение к политической деятельности уже после Июльской революции. Луи Блан родился в 1811 году в Мадриде; детство и юность его прошли в Родезе, в католической роялистской

⁴⁰ *Vaulabelle A. de. Histoire des deux Restaurations. Paris, 1854. Т. 7. P. 97–102; Duvergier de Hauranne P. Histoire du gouvernement parlementaire. Paris, 1871. Т. 10. P. 464–465.*

⁴¹ Граф Луи де Вьель-Кастель, родившийся в 1800 году, в конце эпохи Реставрации начал службу высокопоставленным чиновником Министерства иностранных дел. Неттман, известный литературный критик, был моложе на пять лет; он опубликовал свои первые статьи в газете «Универсальная» в 1829 году.

⁴² *Blanc L. Histoire de dix ans. Paris, 1841. Т. 1. P. 153.*

семье; среднее образование они с братом смогли получить только благодаря стипендии правительства. И так, когда юноша прибыл в столицу, он не был не только республиканцем, но даже и либералом; он сделался таковым позже, после того как поступил воспитателем в семью аррасского промышленника и воочию увидел, в каких нищенских условиях живут рабочие, а также познакомился с республиканцем, сотрудником газеты «Пропагандист Па-де-Кале» Фредериком Дежоржем⁴³. Поэтому он мог живо и достоверно рассказывать об эпохе, последовавшей за Июльской революцией, но был вовсе не готов понимать и оценивать по справедливости то, что произошло накануне этой революции. А его республиканские информаторы стремились прежде всего указать на трусость буржуа, которые, по их мнению, не осмелились даже открыто бросить вызов монархии и произнесли тост за короля⁴⁴. Июльское восстание народа, а затем присвоение плодов революции Орлеанской династией постфактум подтверждали проницательность и решимость юных республиканцев, возглавляемых Годфруа Кавеньяком. Тот факт, что Луи Блан недооценил значение банкета в «Бургундском винограднике», оказал немалое воздействие на последующую историографию; историки Третьей республики, находившиеся под его влиянием и нередко сочувствовавшие социализму, например Жорж Вейль и Себастьян Шарлети, упоминали этот банкет или, скорее, претензии к единственному произнесенному там тосту лишь как символическое рождение республиканской партии, группировавшейся вокруг Годфруа Кавеньяка, который участвовать в банкете отказался. Но это ничуть не уменьшает значения банкета самого по себе. Все данные, которыми мы располагаем, включая стремление республиканцев преуменьшить роль банкета в «Бургундском винограднике», заставляют считать, что весной 1830 года наблюдатели политической жизни воспринимали его как событие первостепенной важности.

Какое у нас право полагать, что люди XIX века ошибались? Конечно, историкам, осведомленным о дальнейшем ходе событий, легко продемонстрировать ретроспективную проницательность и подчеркивать значение детали, ускользнувшей от внимания современников, но содержащей в себе предвестие будущего. Например, мы имеем полное право назвать первостепенным историческим фактором основание весной 1828 года, по инициативе неизвестного лионского ткача Пьера Шарнье, ассоциации взаимопомощи, которая в ближайшие несколько лет сделалась первой массовой организацией рабочих в континентальной Европе и положила начало движению мютюэлизма. Но у нас нет никаких оснований распространять на всех людей первой трети XIX века те, мягко говоря, скептические оценки, какие мы даем способности к политическому анализу Карла Х или Жюля де Полиньяка⁴⁵. Очевидно, что и Капефиг и Неттман с легитимистской стороны, и Волабель, Дювержье де Оран или Ремюза со стороны либералов 1830 года слов на ветер не бросали. И если они придавали некоему событию первостепенное значение, мы обязаны к ним прислушаться. Раз они так поступали, значит, у них наверняка были для этого резоны, сформулированные открыто или только подразумеваемые. Осталось понять, что это за резоны. Для этого, как мне представляется, необходимо совместить несколько подходов: прежде всего, разумеется, восстановить политический контекст весны 1830 года, сегодня почти полностью забытый, дабы объяснить присутствие или отсутствие на банкете тех или иных лиц; разгадать намеки, скрытые в речах, с тем чтобы уяснить, какой стратегии или каких стратегий придерживались организаторы, понять, насколько верно уга-

⁴³ *Loubère L.-A.* Louis Blanc. Buffalo, 1961. P. 3–7.

⁴⁴ Замечу кстати, что общее число участников банкета, которое приводит Луи Блан, – «чуть больше шести сотен» – самое низкое из всех и самое точное. Сохранилось письмо некоего Беродье, который, по всей вероятности, отвечал за снабжение; сразу после банкета он писал Одилону Барро: «У нас останется излишек средств; подписчиков в общей сложности 603, а все расходы, полагаю, не превысят одиннадцати тысяч франков» (AN 271 AP 3. Papiers Barrot. C1-16). Это дает нам основания предположить, что информаторами Луи Блана были бывшие члены республиканской фракции общества «Помоги себе сам».

⁴⁵ Такого мнения придерживались уже современники, такие как Мишо или Капефиг, несмотря на свои легитимистские убеждения.

дали эту стратегию их противники, и, наконец, оценить, какую роль сыграло это мероприятие в мобилизации общественного мнения против министерства Полиньяка – мобилизации, которую в то время проводили либеральные круги. Однако мне кажется, что необходимо взглянуть более широко, перечесть истории, архивы и газеты эпохи Реставрации, чтобы увидеть в банкете в «Бургундском винограднике» не только самоценный эпизод или предвестие июльских баррикад (последнее не подлежит сомнению), но и завершение длительного процесса: банкет 1 апреля 1830 года был далеко не первым, который либералы устроили в эпоху Реставрации. До него и в Париже, и в департаментах люди участвовали во многих других банкетах. Выявить их, описать, создать их историю – все это, надеюсь, поможет лучше понять, что же произошло весной 1830 года.

Глава 2

Время молчания (1818–1820)

В старых либеральных историях эпохи Реставрации, в частности тех, что написаны Волабелем и Дювержье де Ораном, встречаются мимолетные упоминания кое-каких политических банкетов в департаментах. Но более или менее подробного описания, сопровождающегося некоторыми комментариями, удостоились только два банкета, устроенные в Париже. Первый состоялся на двенадцать лет раньше банкета в «Бургундском винограднике», во вторник 5 мая 1818 года: это был обед (или собрание, или банкет; тогдашние тексты употребляют все эти термины в одном и том же значении) в заведении «Радуга» на Больничном бульваре. Второй, так называемый банкет на улице Горы Фавор, прошел чуть менее чем через два года, 5 февраля 1820 года. Оба имели одну и ту же особенность, которая шокировала часть современников, но на которую не обратил внимания ни один из историков эпохи Реставрации: за столом не было произнесено ни одного тоста, ни одной речи; гости вели только частные разговоры между собой. Это молчание, которое тогдашние роялистские газеты считали «нелепым», – любопытное начало для политической формы, которая впоследствии неизменно сопровождалась бурными потоками красноречия. Оно нуждается в комментариях, а для этого нам придется выяснить, при каких обстоятельствах весной 1820 года либералы наконец прервали свое молчание, но сначала придется ответить на другие вопросы, и прежде всего вот на какой: зачем собираться, чтобы ничего не сказать? Какой смысл имели эти политические собрания без речей?

Обед в «Радуге» и его отзвуки в провинции

Вот что писала на следующий день «Коммерческая газета», одна из двух ежедневных парижских газет, которая развивала идеи так называемых независимых – тогдашних крайне левых либералов:

Поскольку сессия 1817 года близка к закрытию, три сотни парижских граждан, почти все принадлежащие к числу избирателей, собрались сегодня, чтобы дать прощальный обед в честь некоторых депутатов, выказавших на национальной трибуне свой талант и патриотизм. Банкет состоялся в «Радуге» на Больничном бульваре. Среди приглашенных были замечены господа Граммон, Трею де Монтъерри, Шовлен, Дюпон (из Эра), Биньон, д'Аржансон, Мартен (из Грэ), Савуа-Роллен, Сонье, Троншон, Казимир и Огюстен Перье.

Это представительное собрание состояло из четырех сотен гостей, сидевших за одним столом; трапеза проходила в безупречном порядке и в обстановке самого искреннего веселья. По подписке, открытой по случаю этого патриотического праздника, была собрана сумма для выкупа трех заключенных из долговой тюрьмы.

Все расходились, желая процветания отечеству, конституционному монарху и свободе.

Многие депутаты уже покинули Париж, в том числе господа Белле, Неель, Комартен, Эрну, Жобез, Понсар, Паккар, Рюперу и Ревуар.

В этой невинной заметке наводит на размышления только одно – место, отведенное ей в газете. Она помещена в самом конце четвертой полосы; следует, однако, уточнить, что остальные материалы этого ежедневного листка – как и все прочие, с весны 1818 года подлежащего цензуре, – посвящены одной-единственной теме – заседанию в Альби апелляционного суда по делу убийц судьи Фюальдеса; этот эпизод судебной хроники живо интересовал

современников из-за своей предполагаемой политической подоплеки⁴⁶. Итак, для либеральной ежедневной газеты обед, которому она отвела процитированные нами пятнадцать строк, представлял единственную новость дня, достойную внимания; отсюда нетрудно сделать вывод, что она выходила за рамки привычного. Правда, отчет, появившийся несколько дней спустя во «Французской Минерве», крупном либеральном полупериодическом издании первых лет эпохи Реставрации⁴⁷, которое цензуре не подвергалось, выглядит почти таким же невинным. Он сообщает, что гостей было четыре сотни, и прибавляет к списку депутатов, не сумевших присутствовать на обеде, еще несколько имен; отметим полемическую шпильку, призванную, по-видимому, оправдать организацию банкета. Этьенн пишет, что «господа парижские мэры и заместители мэров»⁴⁸ устроили несколько дней назад «большой обед в честь министров, префектов, председателей судов, генеральных прокуроров и большого числа государственных служащих», тогда как – иронически замечает журналист – депутатам-патриотам принесли дань уважения одни лишь простые «предприниматели, негоцианты, юристы и литераторы».

Отчего же это мирное собрание четырех сотен граждан могло представляться либералам событием важным, а их противникам – скандальным? Если верить следующему выпуску «Минервы», этот обед, устроенный в честь нескольких депутатов, «в последние несколько дней служил темой всех разговоров». Конечно, мы не обязаны верить «Минерве», но полемика разгорелась и на страницах газет. Две недели спустя, 19 мая, «Коммерческая газета» сочла своим долгом защитить «гражданский банкет» от нападок роялистских газет, прежде всего «Газеты прений» и «Ежедневной», и с этой целью поместила на первой странице в качестве передовицы большую статью о банкете, а рядом письмо одного из читателей, входивших в число организаторов собрания. В общей сложности обсуждение длилось около двух месяцев: Леон Тьессе, сотрудник «Нормандских писем», другого листка, близкого к независимым, 25 июня выражал надежду, что кладет ей конец⁴⁹. Восстановить ход дискуссии не так просто, поскольку из-за цензуры журналисты ежедневных газет использовали для выражения своих мыслей весьма причудливые формы: у представителей каждой точки зрения имелись свои посредники в британской прессе, которая поступала в Париж и активно там читалась⁵⁰. Ультрароялисты высказывали то, чего не могли напечатать на родине, на страницах *The Morning Chronicle*, сторонники министерства – в *The Courier*, *The Times* или *The Star*, а либералы – в *The Sun*⁵¹. Тем не менее можно утверждать, что в центре дискуссии были два вопроса. Первый, к которому мы вернемся позже, касался того, что было сказано на обеде или, парадоксальным образом, того, что там сказано не было; второй был связан с самим собранием, с тем фактом, что оно состоялось.

В самом деле, обед в «Радуге» был новинкой. После нескольких лет Белого террора впервые случилось так, что несколько сотен людей, симпатизирующих либеральной оппозиции, собрались в публичном месте, чтобы отдать дань почтения «независимым» депутатам, тем, кого «Минерва» называет защитниками Хартии, а точнее сказать, тем, кто почти не скрывал, что питает очень мало уважения к династии Бурбонов. Те два десятка имен, которые приводят

⁴⁶ Судья Фюальдес был убит при невыясненных обстоятельствах в Родезе, в подозрительном доме, и некоторые современники предположили (и не без оснований), что ультрароялистские должностные лица покрывают убийц. См.: *Darmon P. La rumeur de Rodez. Histoire du procès truqué. Paris, 1991.*

⁴⁷ *La Minerve française. II bis. 1818, mai. P. 41–42.* Письмо из Парижа № 10, за подписью Э. (по всей видимости, Этьенн, один из директоров издания). К заметке прибавлен постскриптим, датированный 5 мая. Политические газеты объявляли себя полупериодическими, поскольку такие издания не подвергались цензуре; в реальности они выходили примерно раз в неделю.

⁴⁸ Мэры возглавляли администрации 12 парижских округов. – *Примеч. пер.*

⁴⁹ «Я надеялся, что мне больше не придется говорить об обеде в „Радуге“. <...> Но коль скоро нападки продолжаются <...>, да будет мне позволено в последний раз возразить нашим противникам» (*Lettres normandes. T. III. P. 37.*)

⁵⁰ *La Minerve française. T. II. P. 580; T. III. P. 19.*

⁵¹ *The Sun* – английская газета XIX века, не имеющая ничего общего с одноименным современным таблоидом. – *Примеч. пер.*

«Коммерческая газета», Этьенн в «Минерве» или Тьессе в «Нормандских письмах», сегодня совершенно забыты, многие неизвестны даже специалистам по этому периоду, между тем читатели 1818 года знали их очень хорошо. В этом перечне недоставало только банкира Лаффита – быть может потому, что его прошлогодняя речь в палате, восхваляющая английскую революцию 1688 года, снискала ему репутацию экстремиста⁵². Устраивая в честь этих депутатов обед по подписке, либеральные избиратели желали прежде всего выразить им благодарность за их поведение на подходившей к концу сессии парламента, поздравить их с тем, как они выступали и как голосовали, в частности, отстаивая свободу печати, и попросить действовать таким же образом и в дальнейшем. Но не менее важным было и влияние, оказанное этим собранием на самих его участников. Ибо, как напоминала «Минерва», еще двумя годами раньше «друг едва осмеливался <...> довериться другу, встреча трех человек считалась скоплением народа, а встреча с глазу на глаз казалась подозрительной, сегодня же четыре сотни человек сходятся на обеде и говорят друг с другом без боязни». Что же касается Волабеля, он, рассказывая об этом банкете тридцать лет спустя, подчеркивает удивительное впечатление, которое произвело на либеральных избирателей сознание, что их так много: «Хотя гости по большей части не были знакомы друг с другом, они знали, что имеют одни и те же убеждения; воодушевленные общением, ободренные своей многочисленностью, уверенные в своей мощи, они легко согласились с необходимостью объединить усилия ради общей цели – сопротивления тем, кто желает возродить старый порядок»⁵³. Итак, этот гражданский и патриотический праздник был чрезвычайно важен сам по себе.

Именно поэтому роялисты так сильно стремились развенчать его в глазах общества. Собрание в «Радуге» не могло и не должно было восприниматься наравне с официальными банкетами, вроде того, который парижские мэры и их заместители, все сплошь верноподданные роялисты, устроили для высокопоставленных государственных служащих, дабы заручиться их поддержкой, на что иронически намекал в своей заметке Этьенн. Роялисты стремились показать, что это собрание родственно либо анархии революционных времен, когда граждане регулярно собирались без какого бы то ни было контроля властей, либо самым тревожным проявлением современного британского радикализма – большим, шумным народным демонстрациям в парке Спа-Филдс, в которых полутора годами раньше приняли участие десятки тысяч лондонских ремесленников и рабочих, матросов и солдат и которые едва не вылились в восстание. В ответ либералы иронизировали над претензиями к банкету в «Радуге»: конечно, если среди участников «было немало миллионеров, а чернь прибывала туда в экипажах», такое собрание нельзя не назвать скопищем мятежников. Среди гостей, кроме нескольких пэров Франции, фигурировали «большинство людей, являющих собою украшение искусств и литературы, торговли и юриспруденции, банковского дела и армии», «множество выдающихся литераторов и молодых писателей, обещающих принять активное участие в борьбе за независимость». Не только высокое положение участников, но также их внешний вид и безупречный порядок, в каком проходило собрание, доказали, что можно быть «другом свободы и равенства, не греша той грубостью нравов, тем дикарским поведением, какие слишком часто встречались в эпоху, когда революция выродилась в анархию гражданскую и нравственную».

Эта полемика о составе участников банкета впоследствии повторялась не однажды в течение эпохи Реставрации, да и позже – при Июльской монархии и даже при Второй республике, что доказывает, что она затрагивала нечто очень важное. Но главным для либералов, собравшихся в «Радуге», было то обстоятельство, что здесь впервые встретились несколько сотен человек, по большей части видевшие друг друга впервые в жизни и не знавшие прежде об общности своих убеждений – тех убеждений, которые в палате, единственном в ту пору публич-

⁵² *Charl y S. La Restauration. Paris, 1921. P. 123.*

⁵³ *Vaulabelle A. de. Histoire des deux Restaurations. T. 5. P. 59.*

ном месте, где царила ничем не ограниченная свобода слова, высказывали редкие независимые депутаты. В первый раз сообщество до той поры невидимых парижских подписчиков, абонированных на полупериодические или ежедневные либеральные издания, в частности «Минерву», «Историческую библиотеку», «Нормандские письма», «Коммерческую газету», показывало себя на публике. Поэтому необходимо было, чтобы все прошло в полном порядке, чтобы – ввиду осенних частичных выборов – не был скомпрометирован политический образ «независимых» (одной из целей собрания было, как говорится в «Нормандских письмах», «выразить признательность депутатам и пожелать им успеха на ближайших выборах»⁵⁴). Но поскольку гости до этого дня не были знакомы друг с другом, нельзя было гарантировать, что в число приглашенных не проникнут провокаторы: «Знаете ли вы, что ультраминистерские писатели ставят в вину либералам? Их спокойствие, их мудрость! Они ожидали беспорядков, они, возможно, и сами пытались их разжечь», – пишет Этьенн. Итак, молчание на банкете оказалось для его организаторов единственной гарантией успеха: «Мы предпочли молчать <...> и таким образом обезоружить всех профессиональных провокаторов, всех платных истолкователей чужих мыслей».

По какой причине мог разгореться скандал? После банкета наемные роялистские публицисты, те, кого либералы называли «платными истолкователями чужих мыслей», наверняка нашли бы в любом тосте, к чему придраться.

Как же так? – говорят они. – Ни одного тоста, ни одного куплета; значит, у этих людей нет никаких желаний? Есть желания, которые таятся в сердцах всех друзей конституционной монархии и представительной системы, а если нам приходится их сдерживать, то лишь оттого, что вы горазды отыскать в их выражении преступные задние мысли. <...> Если бы, например, мы произнесли тост за *армию*, вы бы закричали, что мы имеем в виду старую армию, а за новую на самом деле пить не хотим; если бы мы произнесли тост за *соратника Вашингтона*, вы бы немедленно обвинили нас в подстрекательстве к установлению республики; если бы мы помянули *возвращение изгнанников*⁵⁵ – о, тогда мы бы тотчас были причислены к мятежникам, мы бы косвенно выступили против меры, одобренной монархом, и на такой тост следовало бы по меньшей мере обратить внимание исправительной полиции⁵⁶.

Совершенно очевидно, что ни один тост, произнесенный участниками банкета в «Радуге», не вызвал бы единодушного одобрения прессы. Но мне кажется, что Этьенн скрывает проблему еще более важную: даже среди участников банкета ни одному тосту не было гарантировано единодушное одобрение – во-первых, потому, что в число участников могли затесаться предатели, а во-вторых, потому, что гармонию грозил нарушить тот тост, который, по тогдашней традиции, должен был произноситься первым, – тост за короля. Независимые прекрасно знали, чего не хотят ни за что на свете, – возвращения Белого террора или Старого порядка, но относительно мер, которые нужно предпринять в ближайшем будущем, у них единодушия не было. Одни полагали, что можно поддерживать восстановленную династию, при условии что она выразит готовность уважать Хартию и волю нации; так писала – поскольку об этом можно было говорить, не боясь цензуры, – «Коммерческая газета». Другие, знавшие, что граф д'Артуа вот-вот может взойти на престол, не верили в осуществимость этого варианта

⁵⁴ Le Journal de commerce. 18.05.1818.

⁵⁵ Соратник Вашингтона – Лафайет, принимавший участие в американской Войне за независимость и сохранивший республиканские убеждения; изгнанники – люди, выдворенные из Франции в начале Второй реставрации за активную поддержку Наполеона во время Ста дней или за голосование в Конвенте за казнь короля в 1793 году. – *Примеч. пер.*

⁵⁶ La Minerve française. II bis. 1818, mai. P. 88. Письмо о Париже № 12, постскриптум Этьенна, датированный 14 мая.

и выступали за иные решения: за возведение на престол либо принца Оранского, либо герцога Орлеанского, на чей конституционный патриотизм они полагались; за умеренную республику под председательством Лафайета; за восстановление Империи на пока еще не определенных условиях. Можно ли было рассчитывать, что в такой многочисленной аудитории все пройдет без сучка без задоринки? Поэтому тосты отменили вовсе – в том числе и тост за короля. Впрочем, многие заметили, что отчет в «Коммерческой газете» пытается скрыть отсутствие тоста за здоровье короля, ведь все понимали, что это «нелепое молчание» само по себе выглядит крайне вызывающе. Роялистская пресса громко протестовала, но «независимые» считали, что эти протесты – наименьшее зло.

Важное последствие собрания в «Радуге» – из старых историков Реставрации на это обратил внимание только Дювержье де Оран – заключалось в продолжениях, которые оно очень быстро получило в провинции⁵⁷. 3 июня письмо из полиции или из префектуры департамента Кот-д'Ор предупреждало полицейского комиссара города Бон: «У вас 10 числа сего месяца повторится обед в „Радуге“. Наши депутаты, которым здесь устраивают серенады, должны присутствовать на этом собрании, в котором, как говорят, примут участие восемьдесят человек, а пройдет оно у Буле»⁵⁸. Затем, узнав, что депутат Вуайе д'Аржансон прибыл в собственное поместье «Вязы», неподалеку от Пуатье, «самые видные жители Пуатье» в воскресенье 21 июня устроили обед в его честь; в следующее воскресенье их примеру последовали восемьдесят нотаблей города Шательро. Назавтра в Ренне состоялся банкет на сто сорок персон в честь Шарля Дюнуайе, одного из сотрудников «Европейского цензора», другого крайне левого полупериодического издания; реннский суд накануне оправдал Дюнуайе от обвинений в клевете на одного дворянина из Витре. Прежде чем возвратиться в столицу, он, судя по всему, стал героем чествования в этом небольшом городе. Гренобльские либералы 6 июля собрались в пригородном трактире «Райское местечко», и этот банкет, кажется, доставил немало тревог местным властям; мы к нему еще вернемся. Затем в начале сентября, пока Вуайе д'Аржансона чествовали в Верхнем Эльзасе, нормандские депутаты Виньон и Дюпон из Эра стали героями двух банкетов; один, на сто персон, состоялся в Лез-Андели 10 сентября; второй, на триста персон, – неделю спустя в Руане. Наконец, 18 ноября «большое число избирателей дижонского округа, к которым присоединились многие жители города, собрались устроить банкет в честь господ депутатов из Кот-д'Ора перед их отъездом на сессию, и господа депутаты приняли приглашение». По такому случаю двести тридцать человек собрались в трактире «Красная шапочка». По словам сотрудника местного либерального листка, хотя трактир выбрали очень просторный, некоторым подписчикам, также желавшим выразить свое почтение трем независимым депутатам департамента – Комартену, Эрну и Шовлену, – пришлось отказать⁵⁹.

Депутат и его избиратели

К этой полудюжине провинциальных банкетов можно было бы, вероятно, с помощью более тщательных разысканий добавить и еще несколько отдельных мероприятий сходного типа. Хотя, по правде говоря, мне это не кажется очень правдоподобным, так как география банкетов в точности совпадает с тем, что нам известно о распространении очагов либерализма в первые годы эпохи Реставрации. В общей сложности «патриотических», или «гражданских», банкетов насчитывается около десятка. Какую информацию мы можем из них извлечь, в каком отношении они могут считаться основанием традиции, пусть даже в следующем году их число, по-видимому, не слишком увеличилось?

⁵⁷ *Duvergier de Hauranne P.* Histoire du gouvernement parlementaire. T. 4. P. 461.

⁵⁸ *Fizaine S.* La vie politique dans la Côte-d'Or sous Louis XVIII. Les élections et la presse. Dijon, 1931. P. 163.

⁵⁹ Journal d'annonces, de littérature, de sciences et arts du département de la Côte-d'Or. 22.11.1818.

Либеральным банкетам 1818 года присущи три главные характеристики политического банкета – характеристики, изучением которых обычно занимается не столько политическая наука, сколько антропология. Банкет – это прежде всего праздник, который устраивают нотабли того или иного города, чаще всего в честь одного или нескольких человек, как правило их депутата или депутатов, но нередко также для того, чтобы отметить какое-либо событие или его юбилей. К этому мы вернемся в следующей главе. Но – и второй критерий в данном случае следует признать решающим – такой праздник организуется по подписке. Определенное число граждан (несколько десятков или даже сотен в эпоху Реставрации) сдают заранее определенную сумму, одну и ту же для всех, нескольким участникам, обычно именуемым «комиссарами» банкета, которые берут на себя материальную организацию праздника. Напротив, те люди, в честь которых устраивается банкет, как правило, не принимают никакого участия в подготовке: банкет – дар, знак благодарности. Наконец, поскольку большая часть политических банкетов или по крайней мере те, что повторяются более или менее регулярно, устраиваются в честь парламентариев, их календарь очень тесно связан с парламентской сессией: банкеты в очень большой мере – предприятие сезонное. С этого последнего пункта и начнем.

При конституционной монархии, то есть до 1848 года, парламентская сессия длилась обычно от четырех до семи месяцев. Открывалась она в конце осени или в начале зимы с обсуждения адреса государю и голосования за него, а заканчивалась в начале лета после голосования за бюджет. Этот ритм более или менее совпадал с расписанием светской жизни: известно, что парижские нотабли покидали город и уезжали в свои замки, поместья или просто дома в провинции в конце весны, а возвращались только к осени⁶⁰. Студенты из провинции, учившиеся в Париже, на лето возвращались к родителям. Поскольку город пустел, большие театры делали перерыв в представлениях, интеллектуальная и политическая жизнь затухала, и даже журналы с трудом отыскивали подписчиков и авторов. Поэтому совершенно логично, что избиратели и, как тогда говорили, простые граждане из департаментов выбирали этот период для того, чтобы устроить праздник в честь своего депутата, чаще всего сразу после его возвращения домой или накануне его отъезда в Париж. Напротив, в Париже в этот парламентский мертвый сезон устраивать банкеты не имело смысла, разве что парижский депутат и его самые влиятельные избиратели остались бы на лето в столице, но такой случай был крайне маловероятен. По правде говоря, график парижских банкетов был еще более жестким, чем расписание банкетов провинциальных, так как считалось, что представитель нации должен действовать в парламенте свободно, полагаясь только на собственное разумение, и любой банкет, устроенный в его честь во время парламентской сессии, рисковал показаться косвенным давлением на его позицию, а следовательно, поставить под подозрение его порядочность. Пока сессия не подошла к концу, пока в палате еще обсуждались важные вопросы, не могло идти речи о том, чтобы чествовать депутатов: ведь они еще не полностью доказали верность своему мандату, да и не смогли бы принять приглашение на банкет в свою честь; именно поэтому банкет на улице Горы Фавор 5 февраля 1820 года прошел практически без участия либеральных депутатов. А между тем поводом для него послужила годовщина принятия закона Лене о выборах⁶¹, который эти депутаты старались защитить в палате от министерства, решившегося его ограничить; тем не менее они сочли бы, что порочат свое членство в палате, если бы приняли

⁶⁰ *Martin-Fugier A. La vie élégante, ou la formation du Tout-Paris, 1814–1848. Paris, 1990. P. 119; рус. пер.: Мартен-Фюжсье А. Элегантная жизнь, или Как возник «весь Париж» / Пер. с фр. О. Э. Гринберг и В. А. Мильчиной. М., 1998. С. 123–124.*

⁶¹ Закон Лене (по имени его инициатора, министра внутренних дел в 1816–1818 годах) был принят 5 февраля 1817 года; он отменял существовавшее в 1815–1816 годах двухуровневое голосование (в избирательных коллегиях окружных и департаментских) и заменял его избирательными коллегиями, собиравшимися в главном городе каждого департамента. Подобное прямое голосование было поддержано либералами, поскольку давало больше электоральных возможностей городским средним классам. – *Примеч. пер.*

приглашение на банкет, устроенный простыми гражданами⁶². А по окончании сессии времени для банкетов оставалось очень мало: Лафайет стремился как можно скорее вернуться в свое поместье Лагранж (в департаменте Сена и Марна), Казимир Перье – в свои земли в департаменте Об, Вуайе д'Аржансон – в свое поместье «Вязы» в департаменте Вьенна или на свой металлургический завод Обербрюк в Эльзасе... Поэтому нужно было торопиться, тем более что устроители банкета хотели чувствовать не только столичных либеральных депутатов, но и некоторых представителей департаментов, испытывавших вполне законное желание поскорее возвратиться к своим семьям, друзьям и избирателям.

Банкеты в честь либеральных депутатов после сессии следовало считать выражением признательности. «Мы с вами трудимся безвозмездно. Единственной наградой нам служит выражение общественного мнения; но мы должны вести себя в этом отношении особенно щепетильно»⁶³, – утверждал Вуайе д'Аржансон в ответном письме к мэру Шательро, стремившемуся изобразить как нечто совершенно незначительное банкет, который жители подведомственного ему города, к его великому неудовольствию, устроили в честь либерального депутата. Так же как и мэр, но в гораздо большей степени, чем он, депутат бесплатно тратил силы, время, состояние; напомним, что до 1848 года парламентарии не получали никакого вознаграждения, а мандат обходился довольно дорого, поскольку депутату приходилось от пяти до семи месяцев проживать в Париже. Приличное жилье в столице стоило больших денег, а работа в палате практически полностью отнимала у депутата, особенно провинциала, возможность заниматься собственным делом. Это обстоятельство, между прочим, было одним из аргументов в пользу введения достаточно высокого ценза для избираемых, что в эпоху Реставрации сводило число потенциальных депутатов примерно до двадцати тысяч. Депутаты Вуайе д'Аржансон, Шовлен, Эрну, Биньон, Дюпон из Эра много сделали для королевской власти, но, будучи «независимыми», скорее всего, очень мало от нее получили: следовательно, вознаграждать их своей признательностью предстояло избирателям. Между тем если люди первой половины XIX века это только предчувствовали, то мы, изучающие эти явления почти два века спустя, знаем это точно со времен Марселя Мосса: всякий дар обязывает и требует ответного дара.

Но и ответный дар обязывает в свой черед, и люди, которые его принимают, тоже превосходно это чувствуют. По этой причине в конце молчаливых банкетов в Руане и Лез-Андели в сентябре 1818 года почтенные депутаты Биньон и Дюпон из Эра все-таки ненадолго взяли слово, чтобы поблагодарить собравшихся и «уверить их в готовности ревностно защищать интересы отечества и требовать полного исполнения Конституционной хартии». Нетрудно вообразить продолжение: в следующем году в конце сессии Биньон и Дюпон, а также Эрну, Комартен и Шовлен, исполнившие пожелания нормандских или бургундских избирателей, получили право на новый праздник в свою честь, что в самом деле и произошло⁶⁴. В конечном счете по окончании мандата депутаты, ревностно защищавшие интересы своих избирателей, были вправе ожидать от них награды в виде переизбрания. Напротив, члены верхней палаты, поскольку они назначались королем и от избирателей не зависели, почти никогда не становили-

⁶² Впрочем, «Газета прений» писала, что истинной причиной отсутствия на банкете было не желание продемонстрировать независимость, а спесь депутатов, гнушавшихся сидеть за столом бок о бок со своими избирателями.

⁶³ Письмо, опубликованное в «Коммерческой газете» 17 июля 1818 года; воспроизведено в кн.: *Voyer d'Argenson M.-R.-M. Discours et opinions. Paris, 1845. T. I. P. 352.*

⁶⁴ *Vidalenc J. Le département de l'Eure sous la monarchie constitutionnelle, 1814–1848. Paris, 1952. P. 196* (банкет на 166 персон, устроенный в 1819 году в Ле-Нёбуре в честь трех депутатов, голосовавших против закона о преступлениях прессы), 204 (банкеты во время парламентских каникул 1820 года, перед выборами, в ходе которых участники пели песни Беранже и, в частности, песню «Трус, или Прощание с господином Дюпоном из Эра, бывшим председателем Руанского королевского суда»: «Я с вами больше не знаком...»). О Дижоне см.: *Journal d'annonces, de littérature... 2.09.1819.*

лись адресатами банкетов; это касалось даже откровенно либеральных пэров, таких как герцог де Брой⁶⁵.

Поскольку Вуайе д'Аржансон был несравненно более богат, чем граждане, которые его чествовали, устроенный ими банкет мог восприниматься только как выражение признательности, а не как попытка подкупа. Но не все депутаты могли похвастать таким же состоянием и таким же бескорыстием, да и убеждения не у всех отличались той же твердостью. Если бы устройство банкетов в честь либеральных депутатов сделалось общераспространенным, они рисковали бы навлечь на себя обвинение – очень мало обоснованное, но губительное для их репутации – в том, что все они подкуплены своими избирателями. Риск был тем более велик, что за годы обучения парламентской политической жизни умножились случаи пиров, против которых либералы, вначале смотревшие на это безучастно⁶⁶, очень скоро начали решительно протестовать, ибо поняли, какой опасностью они грозят. Дело в том, что министры, и прежде всего глава кабинета Деказ, задавали обеды депутатам большинства, по преимуществу тем, кому политические убеждения отнюдь не мешали пользоваться щедротами власти; к таковым относились в первую очередь депутаты левого центра, чьи голоса могли оказаться решающими в этот период, когда каждые новые выборы усиливали лагерь «независимых», хотя и не слишком ослабляли лагерь ультрароялистов. Поэтому Деказ широко практиковал эту меру – не слишком элегантную, но безусловно эффективную, на что «Конституционная» жаловалась еще в феврале 1820 года: «Министры знают, как безгранична власть хорошей кухни»⁶⁷. Обеды эти были роскошны, а готовивший их повар, служивший в доме сотрудника Деказа, принадлежал к числу лучших в Париже.

Именно этой ситуации мы обязаны одной из самых прославленных политических песен эпохи Реставрации, сочиненной Беранже. Она называется «Пузан, или Отчет г-на М*** о сессии 1818 года перед избирателями департамента...»:

Избирателям – почтенье!
Вот правдивый мой рассказ,
Как трудился, полон рвения,
Я для родины, для вас.
Я вернулся толст, румян...
Разве то – стране изъян?

У министров я бывал,
Пировал,
Пировал,
С ними вина я пивал...⁶⁸

Исследователь творчества Беранже истолковал эту песню как «яркий вклад в антологию примитивного антипарламентаризма», поскольку портрет, нарисованный поэтом, «мог отно-

⁶⁵ Тем не менее в 1827 году, после отзыва «закона справедливости и любви» благодаря сопротивлению палаты пэров, в Берне (департамент Эр) был устроен банкет в честь герцога де Броя, но туда пригласили также либеральных депутатов (нынешних либо бывших) Дюпона, Биньона и Дюмеле (*Vidalenc J. Op. cit. P. 241*).

⁶⁶ Они использовали правительственные банкеты как аргумент в пользу своих собственных; так, «Минерва» от 30 мая 1818 года в 13-м письме из Парижа говорит о министре финансов Корветто: «Он задал большой обед для депутатов, которые еще не уехали из Парижа, а министры, которые задают обеды, обычно не ждут увольнения из министерства. Впрочем, я вовсе не намерен осуждать их за то, что они приглашают людей, защищающих их планы, но я бы хотел, чтобы в таком случае гражданам позволяли приглашать тех, кто защищает их права» (*La Minerve. T. II. P. 245*).

⁶⁷ *Le Constitutionnel. 14.02.1820.*

⁶⁸ Перевод Вал. Дмитриева. – *Примеч. пер.*

ситься к любому депутату, независимо от его политических взглядов»⁶⁹. С этим утверждением невозможно согласиться. Речь идет вовсе не обо всех депутатах, но об определенных депутатах с зыбкими убеждениями, поддерживавших кабинет министров во время сессий 1818 и 1819 годов, о тех людях, которые располагались в палате в самом центре, далеко от крайне правых ультрароялистов, но еще дальше от крайне левых либералов. Существует по крайней мере еще одна песня, вышедшая из другого лагеря и упрекающая этих депутатов в тех же преступлениях. Сочинил ее некто Казенов; под названием «Оптимизм, министерская песня» она напечатана в феврале 1819 года в «Белом знамени»:

Кухня старая иль новая,
Для меня различий нет.
Тот министр всех толковее,
Что устроит нам обед.

Голодают пусть другие,
Мне до них и дела нет.
Я наелся и напился,
До других мне дела нет⁷⁰.

Что эти песни впоследствии могли быть поняты как выражение примитивного антипарламентаризма и использованы в этом смысле, не подлежит сомнению. Но первоначально они значили совсем иное; «пузан», который в другой песне Беранже («Пузан на выборах 1819 года») объясняет своим избирателям:

Как депутат – в том нет секрета –
Я ел прекрасно целый год.
Стол накрывают... Жду ответа:
Быть иль не быть мне им вперед?⁷¹ –

полная противоположность «верному депутату», любимцу независимых избирателей (и нет никаких оснований полагать, что Беранже, близкий друг Манюэля, думал иначе), который в палате произносит грозные речи против министерства и не боится давать отчет в своих действиях перед теми, кто его избрал. Или, вернее, ему незачем объяснять свои действия, потому что его избиратели уже читали в газетах его речи, произнесенные в течение сессии, одобрили его позицию и желают выразить ему свою признательность, давая в честь него банкет. Впрочем, ясно, что это не отменяло путаницы. В последние годы эпохи Реставрации, когда, как мы увидим, практика банкетов, устроенных в честь либеральных депутатов в департаментах, сделалась всеобщей, роялистские листки охотно намекали на то, что часть чествуемых депутатов – не землевладельцы, а адвокаты или публицисты – стремились таким образом получать стол и кров от провинциальных избирателей⁷². Некоторые либералы, хорошо знающие британ-

⁶⁹ Touchard J. La gloire de Béranger. Paris, 1968. Т. 1. P. 217.

⁷⁰ Le Drapeau blanc. I (cinquième livraison). P. 231–232.

⁷¹ Перевод И. и А. Тхоржевских. – *Примеч. пер.*

⁷² См., например, в газете «Консерватор Реставрации» осенью 1829 года: «Но, скажете вы, на что тратятся эти средства? На что? Смешной вопрос! <...> Разве либералам не нужно обедать, причем обедать вкусно, – так пускай они едят за счет сочувствующих глупцов! А избирательные обеды? А путешествия высокопоставленных служителей порядка? А восторг черни? А непременный эскорт почтенных путешественников? А перигорские трюфели, путешествующие вместе с тостами лучших красильщиков? А куплеты, извлеченные из бумаг местного писака? Неужели все это ничего не стоит? Неужели станут тратить на это свои деньги те люди, которые, как всем известно, из патриотизма обрекают на муки свою скромность, выслушивая бурные овации, и подвергают свои могучие желудки постоянной опасности несварения?» (Le Conservateur de la Restauration.

ские обычаи, кажется, почувствовали, чем все это грозит, и начали высказывать нешуточные опасения⁷³. В самом деле, в Великобритании политические банкеты накануне выборов устраивались очень часто и представляли собой скрытую форму подкупа избирателей кандидатами, а поскольку порой могло случиться и так, что обед, напротив, давали избиратели в честь своего кандидата, отсюда было недалеко до полного смешения банкетов обоого типа и отождествления политического банкета с коррупцией. Любопытное – и гораздо более позднее – свидетельство этой настороженности по отношению к банкетам находим в одном из доводов, который выдвигал Альфонс де Ламартин в 1847 году, объясняя своим близким, почему после исключительно успешного банкета в Маконе он отказывался принять бесчисленные приглашения от организаторов реформистских банкетов: его, говорил он, вовсе не прельщает перспектива прослыть паразитом, питающимся от щедрот нации; возможно также, что он боялся ограничить свою свободу⁷⁴. Однако нападки, судя по всему, не достигли цели, а опасения остались невысказанными: с одной стороны, в эпоху Реставрации во Франции коррумпированность политиков очень сильно уступала британской. Хотя отсутствие поименного голосования в палате депутатов (голосовали в ту пору белыми и черными шарами) позволяло министрам в сложных случаях тайно покупать голоса, голосование избирателей в округах тоже не было публичным, и легко могло оказаться, что деньги на подкуп потрачены впустую. С другой стороны, если еще можно вообразить подкуп министром одного или нескольких депутатов, то подкуп депутата избирателями представляется совершенно невероятным: ведь его роль в том и состоит, чтобы представлять в палате и защищать их интересы, которые, согласно политическим понятиям того времени, отождествлялись с интересами нации!

Таким образом, сравнение с британской политической жизнью не нанесло вреда практике банкетов – слишком уж разным был контекст в обеих странах, и проницательным наблюдателям это было хорошо известно⁷⁵. Конечно, префекты и министерские кандидаты могли в преддверии выборов держать открытый стол, на что справедливо сетовала «Минерва»⁷⁶; обеды у министров могли подкупать депутатов в течение сессии; но трудно понять, каким образом подписчики, цвет нации, могли подкупить своих «честных и порядочных» представителей, когда по окончании сессии устраивали обед в их честь. В противоположность тому, что утверждали в 1830 году то ли по неведению, то ли по злему умыслу сторонники Полиньяка, дело было не в том, за столом или не за столом делается политика; не в том, что «роялизм сохранил свои нравы, а демагогия – свои»; не в том, что «эта последняя всегда шумела, пела, а главное, пила»⁷⁷: дело было в том, кто задумывал пир и кто его оплачивал – власть или граждане.

1829. VII. P. 159).

⁷³ 3 апреля 1830 года «Белое знамя», описав в самом негодующем тоне банкет в «Бургундском винограднике», следующим образом пересказывает недавнюю статью из «Гаврской газеты», которую именует «трехцветной» (между прочим, руководил ею бывший карбонарий Корбьер): «Если в Англии, стране политического подкупа, кандидаты кормят избирателей, а те, в свой черед, устраивают патриотические оргии в честь своих депутатов, это не удивительно: в этой стране дела могут вестись *inter rosula* [за стаканом. – *лат.*]. Но мы обязаны решать наши дела на голодный желудок, обязаны быть воздержанными. Ароматы министерской кухни оказали на нас роковое воздействие и выставили ее любителей на посмешище, а потому мы должны уберечь наших депутатов от расслабляющего влияния больших обедов и от издевок, на которые не обращают внимания те люди, что способны только жевать».

⁷⁴ Court A. L'auteur des Girondins, ou les cent vingt jours de Lamartine. Saint-Étienne, 1988. P. 67.

⁷⁵ «Французская газета» походя признает это в номере от 5 апреля 1830 года: «Начиная с римских кандидатов, которые, чтобы заручиться голосами, приносили в жертву сотни слонов и львов и тысячи гладиаторов, и кончая кандидатами британскими, которые с той же целью приносят в жертву весь эль и весь портвейн из своих погребов, честолюбцы всегда являлись к публике с улыбкой на устах и рогом изобилия в руках. Во Франции дело обстоит не совсем так. Здесь избиратели не вкушают угощенье, а угощают сами. Но зато какие великолепные обещания они получают взамен!»

⁷⁶ Анри Контамин (*Contamine H. Metz et la Moselle de 1814 à 1870. Nancy, 1932. T. 1. P. 333*) приводит письмо Серра, написанное перед выборами 1818 года: «Вам и вашим друзьям надобно держать открытый стол с утра до вечера, надобно, чтобы вино текло рекой...».

⁷⁷ Статья «Друг короля», напечатанная во «Французской газете» 23 апреля 1830 года.

Интерпретация молчания

Вернемся к «нелепому молчанию», царившему на либеральных банкетах, начиная с того, который состоялся в «Радуге» 5 мая 1818 года, и кончая тем, который прошел на улице Горы Фавор 5 февраля 1820 года. Что могли значить эти мероприятия, смысл которых не был разъяснен в тостах, произносимых сотрапезниками? Не претендуя на раскрытие всех нюансов, я полагаю, однако, что могу утверждать: смысл у этого мероприятия имелся и по крайней мере части современников он был совершенно понятен, а искать его нужно в отчетах об этих банкетах, как бы поверхностны они ни были. Когда свободе грозят многочисленные опасности, все самые незначительные элементы банкета оказываются значащими. Мне могут возразить, что, действуя таким образом, историк рискует поддаться соблазну гиперинтерпретации. Я иду на это сознательно, потому что, на мой взгляд, лучше зайти слишком далеко в интерпретации, чем считать, что все эти детали несущественны, что споры между либералами и ультрароялистами шли по пустякам, и, таким образом, полностью пренебречь особенностями политической культуры прошлого. Вот, например, «Молва» описывает банкет на улице Горы Фавор, призванный отпраздновать «день, когда был принят закон о выборах» и прошедший в обстановке «самой открытой сердечности, самой безупречной учтивости, самой безукоризненной благопристойности», и замечает: «Поэтому всякий раз, когда оркестр переходил от мелодий малозначительных к ставшему национальным мотиву „Где лучше, чем в кругу семьи?“, единодушные рукоплескания показывали, насколько все присутствующие проникнуты одними и теми же чувствами, воодушевлены одними и теми же принципами». Как нам понять эту фразу? Мелодия, о которой идет речь и которая в ту пору пользовалась огромной известностью, – это квартет из одноактной и уже довольно давней (1769) комедии Гретри на слова Мармонтеля. Если верить Пьеру Ларуссу, этот трогательный квартет один обеспечил пьесе успех. Но для людей 1820 года он имел четкий политический смысл. В самом деле, начиная с 1814 года он играл роль национального гимна, потому что в нем видели своего рода перевод на язык музыки фразы, якобы сказанной графом д'Артуа при въезде в Париж: «Во Франции ничего не изменилось, в ней лишь стало одним французом больше». В ту пору эта мелодия символизировала возвращение эмигрантов, и прежде всего королевского семейства, на родину и всеобщее примирение. Спеть или сыграть этот квартет на банкете ультрароялистов или на официальной церемонии в 1816 году означало, что, невзирая на все трудности и даже несмотря на интермедию Ста дней, вынудившую Бурбонов снова покинуть отечество, страна возвратилась к нормальной жизни и законный государь вновь пребывает в кругу своей семьи и в окружении своих подданных (которых властям приятно было считать верноподданными). Однако в 1820 году на либеральном банкете этот мотив, встречаемый рукоплесканиями, обретал совсем иной смысл: аплодировавшие ожидали возвращения отнюдь не Бурбонов, а политических изгнанников, в частности цареубийц – членов Конвента, голосовавших некогда за казнь короля; это возвращение было одним из главных требований либералов. Теперь, когда территория Франции была полностью свободна от иностранных оккупантов, можно ли было не желать, чтобы национальное примирение довершилось и на родину, в большую французскую семью, вернулись те, кого осудили на изгнание после Ватерлоо по так называемому закону об амнистии? Единодушные рукоплескания восьми сотен или тысячи сотрапезников, присутствовавших на банкете на улице Горы Фавор, обретали в точности тот же смысл, какой имел бы скандальный тост «За возвращение изгнанников!», который, однако, произнесен не был. А роялисты не могли ни к чему придаться, потому что мелодию эту они тоже считали своим неофициальным гимном...

Итак, смысл банкета мог скрываться в исполненной на нем музыке; этому можно привести немало других доказательств. Но то был далеко не единственный способ передавать

информацию, минуя тосты. Конечно, очень значимо было украшение залов, однако на этот счет относительно ранних банкетов у нас очень мало информации; зато мы можем присмотреться к другим вещам: к личности чествуемого депутата, к дате банкета и даже к блюдам, подаваемым гостям; все это может быть исполнено смысла и подлежать более или менее правдоподобной интерпретации.

Чествование депутата

Первым депутатом, который удостоился восторженного приема и банкета в свою честь, стал весьма своеобразный персонаж, потомок древнего и знатного рода Марк-Рене-Мари де Вуайе, маркиз д'Аржансон. Ему, точно так же как и Лафайету, по причине благородного происхождения и аристократических родственных связей (он был приемным отцом молодого герцога де Броя, одного из двух пэров Франции, участвовавших в банкете в «Радуге») был гарантирован со стороны местных властей уважительный прием, граничивший с безнаказанностью. Итак, те, кто чествовал Вуайе д'Аржансона – граждане Пуатье и Шательро в июне 1818 года, а затем, в сентябре, жители Верхнего Эльзаса, имели все основания ожидать, что его покровительство обеспечит им защиту от префектов, и те в самом худшем случае в грубой форме выскажут свое неудовольствие, но не пойдут на более жесткие меры. В то же время в лице Аржансона участники банкетов чествовали, разумеется, не великого оратора, каковым тот никогда не был, но человека абсолютной личной порядочности, администратора, который, занимая несколько лет назад пост префекта департамента Устье Эско, принял сторону своих подопечных, рискуя навлечь на себя гнев императора, а главное, был единственным, кто осенью 1815 года имел мужество с трибуны «бесподобной палаты» осудить резню протестантов на юге Франции; резню эту совершали фанатичные банды под руководством Трестайона при полном бездействии местных властей и при полном же молчании цензурируемой прессы. Во Франции не было ни одного либерала и ни одного протестанта, которые бы об этом не знали. Аржансон был живым символом неприятия Белого террора и религиозной нетерпимости ультрароялистов⁷⁸.

Узнав о приезде Аржансона в его поместье «Вязы», «самые достойные жители Пуатье» решили в воскресенье 21 июня дать в его честь обед, о котором нам ничего не известно, кроме того факта, что он сопровождался «щедрыми изъявлениями самых достойных чувств, самого чистого патриотизма и самого полного единения» и что не были забыты и бедные, которым назавтра раздали четыре тысячи фунтов хлеба. В следующее воскресенье восемьдесят нотаблей Шательро последовали примеру жителей Пуатье. Об этом банкете нам известно чуть больше благодаря реакции мэра города: он, протестант, назначенный префектом, разумеется, стремился в первую очередь доказать, что не имеет никакого отношения к этому нелепому и неуместному чествованию депутата от оппозиции. В письме в «Газету прений» он подчеркивает, что отказал организаторам банкета в предоставлении муниципального помещения и сделал все возможное, чтобы уменьшить число избирателей-протестантов, входящих в число гостей (ему трудно было повлиять на общее число участников, если учесть, что в конце концов обед был устроен на территории публичного гулянья). Наконец, сообщал он, «не наблюдалось ни иллюминации, ни энтузиазма со стороны народа, порядочные представители которого смотрели на это собрание с живейшим неодобрением». Выражение он подобрал бесспорно неудачное, на что и указал в своей реплике, исполненной сокрушительной иронии, Вуайе д'Аржансон⁷⁹.

⁷⁸ См. его речь от 23 октября 1815 года против закона о национальной безопасности. Аржансон выступал также против восстановления чрезвычайных судов (*cours prévôtales*).

⁷⁹ «Должно быть, вы долго ломали голову, прежде чем придумали оскорбить большое число ваших сограждан, причислив к порядочным людям только ту часть жителей, что разделяет ваше неодобрение. Но нетрудно догадаться, что к этому плачев-

Либеральная пресса 1818 года описывает и два других больших банкета: они были устроены в честь двух нормандских депутатов, Биньона и Дюпона из Эра, в Лез-Андели 10 сентября и в Руане неделей позже⁸⁰. За несколько месяцев до этого Биньон взял слово в палате, чтобы потребовать возвращения тех, кто был отправлен в изгнание во время Белого террора: накануне отбытия из Франции последних иностранных оккупационных войск это было одним из главных требований «независимых». Со своей стороны, Дюпон из Эра потребовал отмены цензуры и восстановления свободы печати. В ту пору об их выступлениях знали все; точно так же, как в Пуатье и Шательро, не было никакой необходимости упоминать об этом в тостах. Все же в самом конце трапезы почтенные депутаты ненадолго брали слово, чтобы поблагодарить собравшихся и заверить избирателей «в своей готовности неустанно защищать интересы страны и добиваться точного следования Конституционной хартии».

Выбор даты

Совершенно очевидно, что дата, на которую назначен банкет, не может считаться незначительной. В самом деле, люди первой трети XIX века отличались обостренной чувствительностью к датам и юбилеям, причем это касалось всех слоев населения. В своем исследовании народных протестов во Франции в 1789–1820 годах Ричард Кобб замечает между прочим, что во время Революции бунты и резня совершались не в любой момент, а в строго определенное время: таким образом, всякому добросовестному полицейскому достаточно было ознакомиться с общенациональным и местным политическим календарем, чтобы заранее быть готовым противостоять тем, кто станет мстить за кровь, пролитую прежде⁸¹. Впрочем, и образованные люди придавали датам ничуть не меньшее значение: так, Бордо был для всех современников «городом 12 марта» (подразумевалось 12 марта 1814 года, когда герцог Ангулемский торжественно въехал в порт, жители которого не могли простить Наполеону континентальную блокаду). Следует также напомнить, что по меньшей мере до Второй республики в отсутствие четко определенного главы правительства разные кабинеты обозначались не именами главного министра, но датой назначения того или иного кабинета: кабинет Полиньяка именовался министерством 8 августа (1829 года), кабинет Казимира Перье – министерством 13 марта (1831 года). Что же касается двух последних правительств Июльской монархии, кабинетов Тьера и Гизо, публицисты и историки середины XIX века говорили о них только как о кабинетах 1 марта (1840 года) и 29 октября (того же года).

Поскольку гости, приглашенные на банкет, в эпоху Реставрации были, как мы покажем ниже, сплошь более или менее состоятельные нотабли, то есть люди, в полной мере располагавшие своим временем, собрать их в количестве сотни или полутора сотен человек в любой, не обязательно воскресный день не составляло никакой проблемы. Быть может, тот факт, что 5 февраля 1820 года, годовщина принятия закона Лене, приходилось на субботу, позволил еще нескольким провинциалам прибыть в столицу, чтобы присоединиться к либералам, требующим сохранения этого закона, но состоявшееся на 21 месяц раньше собрание в «Радуге» было, судя по всему, ничуть не менее многочисленным, хотя 4 мая 1818 года пришлось на вторник. Во всяком случае, если верить либеральным газетам, устроителям всех больших банкетов приходилось отказывать многим желающим из-за недостатка места. Таким образом, как мы надеемся показать на двух примерах, выбор определенной даты зависел не столько от публики, на

ному результату привела вас невозможность назвать в качестве своих союзников просвещенное большинство, пользующееся столь великим почтением в свободном государстве» (*Voyer d'Argenson M.-R.-M. Discours et opinions. Paris, 1845. T. 1. P. 355*).

⁸⁰ *La Minerve française. T. III. P. 332–334* (корреспонденция из Руана), 516–518 (ответ ультрароялистским газетам); *Les Lettres normandes. T. III. P. 524–525; T. IV. P. 24–29*.

⁸¹ *Cobb R. La protestation populaire en France, 1789–1820. Paris, 1975. P. 40–41.*

которую можно было рассчитывать в этот день, сколько от смысла, который вкладывался в эту конкретную дату.

Для начала вернемся к банкету в «Радуге». Почему он состоялся именно 5 мая? Либеральные газеты не говорят об этом ни слова; «Минерва», как мы уже видели, ограничивается тем, что представляет этот банкет как своеобразный ответ на банкет официальный, который несколькими днями раньше муниципальные деятели столицы устроили в честь высокопоставленных роялистских должностных лиц. Между тем этот банкет в самом деле был ответом, но на совсем другую церемонию: как подчеркнул тридцать лет спустя Волабель⁸²

⁸² *Vaulabelle A. de. Histoire des deux Restaurations. T. 5. P. 59.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.